

Страж раны

Автор:

Андрей Валентинов

Страж раны

Андрей Валентинов

Око силы Око Силы. Первая трилогия. 1920–1921 годы #2

Таинственный тибетский монастырь Шекар-Гомп, который неизвестные люди с голубыми свастиками и красными звездами на буденовках превратили в хорошо охраняемую строительную площадку. Именно здесь оказываются друзья-недрузи Ростислав Арцеулов и Степан Косухин, заброшенные далеко от полыхающей России и отныне знающие ее – и свое – будущее. Выберут ли они предначертанную им высшими силами судьбу – или же найдут в себе силы пойти наперекор ей?

Андрей Валентинов

Страж раны

Око Силы. Первая трилогия

1920–1921 годы

Книга вторая

Глава 1. Тривиум

Тропа тянулась вдоль невысоких холмов, почти незаметных в густой темноте, затопившей землю. Лишь далеко впереди, у самого горизонта, слегка белела узкая полоска – там медленно, не спеша, проступал ранний зимний рассвет. Идти было трудно – тьма скрывала повороты, вдобавок под ноги то и дело попадались мелкие острые камни. Ко всему донимал холод – в эти предрассветные часы он казался особо нестерпимым.

Шли молча – Косухин чуть впереди, пряча мерзнущие руки в карманы китайской шинели и натянув черную мохнатую шапку почти на самый нос. Арцеулов немного отставал. Холод, так донимавший Степу, был более милостив к капитану – в очередной раз спасал «гусарский» полушубок. Зато разболелась голова, резко и сильно, так, что Ростислава зашатало. В висках стучала кровь, черные волны накатывали откуда-то со стороны затылка, и каждый шаг требовал немалых усилий. С полчаса капитан держался, но затем стал заметно отставать.

– Ч-черт! – выразительно произнес Косухин, угодив ногой в яму. – Чего это они тут, чердынь-калуга, огурцы сажали?

– Здесь были мины, – напомнил Арцеулов, останавливаясь и прикладывая к пульсирующей болю голове ледяную ладонь.

– Точно, – Степа осторожно отошел подальше от зловещей ямки. – Вот зараза! Че, капитан, передохнем? Курить будешь?

Рука Косухина привычно полезла за пачкой папирос, но Ростислав покачал головой.

– Не хочу... – сквозь зубы произнес он. – Голова... Болит немного.

– Ах ты! Это ж тебя в самолете! Эх, надо было повязку сменить!

За последние сутки Арцеулов напрочь забыл и о ране, и о повязке – было просто не до того. Боль вынырнула неожиданно, разом напомнив о неровном гудении моторов, о мелькавшей под иллюминатором желтой земле и о страшном ударе.

– Ничего... Только передохну немного. Давайте-ка сообразим... Идем мы уже около часа. Прошли версты четыре...

– Пять, – прикинул Степа. – Быстро шли! Впереди вроде как горы, а этот Мо говорил про какое-то ущелье... Эх если б не мины, я б прямо сейчас свернул в степь. Там, глядишь, и встретили б кого подходящего...

– Местный пролетариат, – в тон продолжил капитан, чувствуя, что голову начинает отпускать.

– Или трудовое крестьянство, – невозмутимо согласился Косухин. – Собрали бы, чердын-калуга, отряд, врезали б по этим белякам, а потом пошли Наташу выручать...

– Пошли! – вздохнул Арцеулов, удовлетворенно чувствуя, как боль исчезает, оставляя лишь едва заметную слабость. – А то нагонят...

Теперь они вновь шли рядом, плечом к плечу. Арцеулов внезапно подумал, что в очередной раз ошибся, причем нелепо и глупо. Он был готов – или почти готов – погибнуть, не дотянув даже до 10 февраля, собственного двадцатипятилетия, – но эта странная и жуткая прогулка по ночной пустыне показалась унижительной. Там, на полигоне, надо было просто послать косоглазого окопным трехэтажным и встретить залп как полагается офицеру русской армии – грудью. Капитан взглянул на мрачного сосредоточенного Степу, уверенно мерявшего шагами узкую тропу, и в душе колыхнулась привычная злость: «Жизнелюб! Этот смерти ждать не будет!»

Арцеулов отвернулся. Вспомнился жуткий эпизод из читанного в детстве романа о шуанах Вандеи: благородные бойцы с гидрой революции связывали пленным федератам руки, надевали на шею горящий фонарь и пускали в темноту, чтобы потренироваться в стрельбе. То же, но не в книге, а на глазах у капитана, проделывали марковцы во время осенних боев 18-го на Кубани. Правда, обходились без фонаря и не стреляли, а рубили с наскока. Ростислава передернуло – сходство было разительным, только что руки к ним свободны. Ростислав вновь взглянул на Степу.

«Жизнелюб!» – вновь подумал он, но на этот раз с определенной долей зависти.

Косухин не подозревал о том, что заботило капитана, а если узнал, то весьма бы удивился. Он и вправду был оптимистом. К этому вынуждал характер, а главное – сам дух единственно верного учения товарища Маркса. Степа давно уже понял, что его долг – лечь костями в землю, дабы из праха выросли будущие счастливые поколения. Гибель за дело Мирровой Революции есть не только его долг, но и в некотором роде – праздник.

Нетерпеливая, смерть уже не раз дышала в Степин затылок. Два раза его ставили к стенке, причем один раз к настоящей – кирпичной и очень сырой. Эту сырость, обжигающую спину, Косухин запомнил крепко. И каждый раз Степа держался твердо и даже нагло. Он помнил слова комиссара Чапаевской Митьки Фурманова, с которым сдружился на Белой: «Доведется подышать – подыхай агитационно». Но теперь, когда можно было либо без хлопот умереть прямо у кромки взлетного поля Челкеля или идти по неведомой тропе сквозь предрассветную мглу, Косухин не сомневался ни секунды, твердо зная, что на тот свет всенепременно успеет. Зазря Косухин погибать не собирался, и под его черной мохнатой шапкой роились планы, один замысловатее другого.

Светало. Восток белел, тьма отступала назад, к оставленному ими Челкелю, а у самого горизонта разгоралась еле приметная красная полоса. Холмы, едва заметные ночью, теперь были видны во всех подробностях – одинаковые, с голыми, неприветливыми склонами, на которых лишь кое-где торчали высохшие клочья прошлогодней травы.

Когда они в очередной раз остановились перекурить, Арцеулов как бы ненароком взглянул на часы.

– Половина восьмого! Полчаса еще есть... Что там впереди?

Глазастый Степа всмотрелся:

– Гора... Или даже две, но далеко... Ежели чего – сворачиваем за холмы...

– Найдут! – поморщился капитан. – Холмы невысокие. Пара конных патрулей – и баста! Надо к горам. Генерал не зря говорил про ущелье...

– Ага, не зря! – хмыкнул Косухин. – Этот беляк тебе подскажет!..

Солнце уже успело наполовину вынырнуть из-за горизонта, когда они добрались до ближайшего подножия. Невысокая горная цепь едва возвышалась над вершинами окрестных холмов, заросших сухим колючим кустарником. Внезапно Степа остановился, упал на тропинку и приложил ухо к земле. Встав, он машинально отряхнул шинель и неохотно проговорил:

- Скачут... Версты за полторы. Рысью идут - не спешат...

- Быстрее! - скомандовал Арцеулов. - Вперед!

Тропа начала сворачивать влево, огибая склон. Идти стало труднее - дорога шла наверх, вдобавок камни стали встречаться заметно чаще. Арцеулов почувствовал, что боль возвращается. Пришлось закусить губу, чтобы не дать вырваться невольному стону. Косухин словно что-то почувствовал и, остановившись, вопросительно взглянул на капитана. Тот отрицательно помотал головой - задерживаться было нельзя. К счастью, боль отступила быстро - почти сразу.

Они поднялись наверх и оказались у небольшого перекрестка.

- И что? - спросил Степа. - Куда теперь?

Арцеулов вытер проступивший на лбу пот - боль не прошла даром.

- Тривиум.

- Чего?

- Перекресток трех дорог, - пояснил Ростислав.

Мудреное латинское словцо было употреблено всуе. Дело было и так ясное - тропинка раздваивалась. Один путь вел к подножию следующей горы, другой сворачивала вправо.

- Если генерал говорил правду об ущелье, то это туда, - Ростислав указал на правую тропу. - Рискнем?

– Эх, не верю я этой контре! – вздохнул Степа. – Ладно, все одно, в степь не уйдешь...

Они свернули вправо. Тропа резко покатила вниз, отвесные склоны расступились, и перед ними открылось глубокое ущелье, тянущееся далеко на юг. Косухин вгляделся и неодобрительно бросил:

– Попались, чердынь-калуга! Не скроешься.

Он оказался прав – скрыться было действительно негде. Арцеулов молчал, взгляд его не отрывался от склонов – капитан искал выход.

– Генерал сказал так: «Если вы верите в бога Христа или в других богов, то они помогут вам...» Если мы верим...

– Гляди! – внезапно крикнул Степа, указывая на узкую тропу, ответвляющуюся от основной дороги. Она уходила вверх по склону, петляя между острых камней причудливой формы.

– Снова тривиум, – негромко, самому себе, проговорил Арцеулов. – Если мы верим в бога...

– Ты чего? – не понял Косухин. – Погляди – какая-то дыра! Пещера вроде...

– Это не пещера, – всмотревшись, покачал головой Ростислав.

Тропинка, забравшись метров на сто вверх по склону, пропадала у ровного четырехугольного отверстия, высеченного в скале. Можно было заметить четко обозначенный порог и грубо выбитое изображение над черным входом.

– Храм! – осенило Ростислава. – Если мы верим в бога Христа или других богов...

– Так чего, нам туда? – недоверчиво спросил Степа.

Арцеулов задумался. Где-то сзади, возле невидимого за поворотом тропы входа в ущелье, слышался стук копыт.

– Наверх! – решил он. – Может, не заметят.

Косухин не спорил. Встречать врагов на верхнем краю почти отвесной тропы лучше, чем убегать от них по ущелью.

Арцеулов взбирался первым. Тропа стала почти отвесной, приходилось то и дело цепляться руками за камни. Чертыхавшийся Степа отставал на добрый десяток шагов. У Косухина дело не ладилось – камни вырывались из-под ног, да и вообще, лазить по горам он был не мастак.

Тропа, свернув вправо, внезапно кончилась, выведя на небольшую ровную площадку. Капитан остановился, переводя дух, затем поглядел вниз. Оставленное ими ущелье было пустым и безлюдным, но слева, где находился первый перекресток, слышались голоса и негромкое лошадиное ржание. Ростислав поглядел направо – ущелье тянулось дальше версты на три, но затем резко обрывалось, упираясь в отвесный склон. Тупик!

На площадку вылез недовольный и запыхавшийся Степа, отряхнул с рук сухую холодную пыль и тоже поглядел вниз, откуда уже доносился стук копыт.

– Присядьте! – шепнул Арцеулов.

В ущелье въезжал патруль – пятеро в знакомых шинелях с меховыми воротниками.

– Эх, заметят! – скривился Степа. – Приметная тропа! Винтарь бы... Я бы тут роту задержал!.. Пошли-ка в пещеру. Чего тут глаза мозолить?

Арцеулов согласно кивнул и повернулся к черному провалу. Когда-то здесь действительно находился храм. Четырехугольник входа был аккуратно врезан в скалу, по бокам резец обозначил две массивные колонны, на которых когда-то были выбиты надписи. Над входом, как заметил Ростислав еще с тропы, находилось изображение всадника, протягивавшего к небу правую руку. Правда все – и надписи, и всадник – оказалось разбито до неузнаваемости. Кто-то позаботился о том, чтобы редкие гости не смогли догадаться, каким богам поклонялись в этом пустынном месте.

– Вроде Егория, – неуверенно заметил Степа, вглядываясь в разбитое изображение. – Только копыа нет...

– Непохоже, – покачал головой капитан. – Да и откуда тут быть христианскому храму?

Косухин еще раз взглянул на всадника и стал подниматься по ступенькам. Их было семь, причем верхняя оказалась почти полностью разбита, а сквозь остальные прошли глубокие трещины. Секунда – и Степа скрылся в темном проходе. Арцеулов последовал за ним, но перед этим не удержался и вновь посмотрел вниз. Патруль остановился, солдаты, о чем-то споря, указывали на идущую вверх тропу...

Ростислав ждал темноты, но внутри было неожиданно светло. Храм оказался невелик, почти квадратен, с неожиданно высокими сводами. Стены когда-то покрывали глубоко врезанные надписи, но и здесь все было разбито и уничтожено. Справа темнела горизонтальная ниша, такая же ниша, только вертикальная, напоминающая дверь, была там, где у христианских церквей находится алтарь. Возле нее угадывались остатки каких-то изображений, но здесь руки разрушителей поработали особенно тщательно. Капитан подумал, что это чем-то похоже на буддийский храм и хотел поделиться своими соображениями с Косухиным, но тот внезапно замер, а затем осторожно дернул капитана за рукав, кивая в угол. Ростислав понял – они были в храме не одни.

...Старик сидел в дальнем углу, расположившись на чем-то, напоминающем вытертый ковер или старый халат. На плечи была наброшена то ли шуба странного покроя, то ли опять-таки халат, голову венчала темная остроконечная шапка. Степа, кашлянув, нерешительно произнес: «Здрасьте...». Человек в остроконечной шапке кивнул, но не поднял головы.

Внезапно сзади слышались резкие гортанные голоса – патрульные взбирались по тропинке.

– Эх ты! – прошептал Степа. – Чего делать-то, чердынь-калуга?

– Придется выйти, – решил Арцеулов. – Останемся – старика прикончат вместе с нами...

Косухин затравленно оглянулся. Выходить на верную смерть не хотелось, но беяк был прав – подставлять под пули невинного не следовало.

– Вот и погуляли! – вздохнул он. – Нет – отгуляли...

Возразить было нечего. Арцеулов еще раз окинул взглядом храм. «Если вы верите в Бога Христа или в других богов...» Степа лихорадочно осматривался, соображая, что предпринять. Ниши он заметил сразу, но прикинул, что в них не отсидеться – заметят. И так, надо уходить. В том, что его, Степана Косухина, комиссара Челкея и уполномоченного Сиббюро, пристрелят при попытке к бегству, старик в остроконечной шапке не виноват. Косухин вздохнул и повернулся к выходу, как вдруг откуда-то сзади послышался негромкий голос. Степа оглянулся – старик смотрел прямо на них и что-то говорил, потом поднял тонкую худую руку, словно приглашая остаться.

– Пора нам, дедушка! – вздохнул Косухин.

Старик покачал головой, а затем вновь взмахнул рукой, на этот раз резко и повелительно, подзывая поближе. У входа уже слышались голоса. Капитан, решив, что выходить все равно поздно, потянул Степу за рукав шинели. Старик кивнул, и они присели рядом с ним. Почти тут же в храме стало темнее – двое солдат, держа карабины на изготовку, стояли у входа.

Беглецы замерли, стараясь не дышать. Старик оставался абсолютно спокойным, только на тонких серых губах его проступила улыбка. Между тем солдаты, бегло осмотревшись, затем один из них вернулся ко входу и что-то прокричал. Снизу донеслись ответные голоса.

«Неужели не заметили?» – поразился Арцеулов.

Солдаты принялись осматривать храм. Один заглянул в боковую нишу, ткнув в нее для верности прикладом, другой остановился в полушаге от застывшего Косухина. Секунду постояв, он крикнул, оглянувшись на своего товарища, пожал плечами и шагнул к выходу. Тот еще минуту потоптался на месте, затем тоже пожал плечами и стал спускаться. Шум шагов замер вдали, послышались голоса – и вновь все стихло.

– Фу, – выдохнул Степа. – Слепые, что ли?

Послышался негромкий смех – смеялся старик. Кажется, он понимал по-русски.

– Дедушка, – негромко, все еще боясь говорить в полный голос, начал Косухин. – Ты эта... чего? То есть, кто?

Старик что-то ответил, но слова были совершенно непонятны. Степа с надеждой поглядел на капитана.

– Я не знаю китайского, – усмехнулся тот. – Да и на китайца он не похож...

Действительно, лицо старика ничуть не походило на раскосые физиономии солдат генерала Мо. Годы наложили свой след – на лбу и под глазами легли глубокие морщины, непогода и солнце покрыли лицо темным, коричневым загаром, но было заметно, что в молодости этот человек был красив.

«Может, таджик? – прикинул Арцеулов. – Или перс?»

Воображение Косухина не шло дальше татарина, но и на татарина этот человек совсем не походил.

– Не понимаем мы, дедушка, – вздохнул Степа.

Старик взглянул на него с явным сочувствием, словно на больного, затем вздохнул и достал откуда-то из-под одежды большую круглую чашу. Холодно блеснул металл – чаша была серебряной, с изображением двух крылатых драконов. Откуда-то появился небольшой глиняный сосуд, напоминающий обыкновенный кухонный горшок, но с длинным горлом.

– Чего это он? – поинтересовался Косухин.

Арцеулов промолчал, соображая, где он мог видеть подобное изображение. Дракон чем-то походил на рисунок на китайских вазах, но все же был другим. Между тем старик, открыв сосуд, налил в чашу, как показалось, обыкновенную воду – совершенно прозрачную и чистую. Степа, облизнув пересохшие губы, подумал, что и в самом деле хлебнул бы глоток-другой, но вдруг замер – драконы на стенках чаши зашевелились. Косухин хотел протереть глаза, но сообразил, что драконы, конечно, и не думали двигаться – двигалась вода,

словно в чаше образовался маленький, но сильный водоворот. Появился пузырек, потом другой... Через минуту вода в чаше кипела.

Арцеулов покачал головой, подумав, что хорошо бы позвать сюда Семена Богораза. Ростиславу с его юнкерским училищем понять подобные вещи было не по плечу.

Вода кипела пару минут, затем ее цвет стал меняться. Из прозрачной она постепенно стала розовой, потом красной, а еще через минуту – бурой. Пузыри яростно лопались, и Степа вдруг сообразил, что старик держит серебряную чашу в руке. Тот словно услышал его мысли, вновь сочувственно улыбнулся и осторожно поставил чашу на каменный пол. Кипение тут же прекратилось, вода начала медленно светлеть, вновь становясь чистой и прозрачной. Старик удовлетворенно кивнул, поднес чашу к губам и, не торопясь, отхлебнул. Затем худая, покрытая вечным загаром рука протянула ее Косухину. Тот осторожно подхватил тяжелую серебряную вещь и вновь поразился – рука не ощутила тепла.

– Пить, что ли? – понял он. – Так ведь... Да ладно!

Степа решился и сделал глоток. Вода оказалась вкусной и свежей, словно только из колодца – причем совершенно холодная. Осмелев, Косухин вновь отхлебнул, а затем протянул чашу Арцеулову. Тот выпил, не задумываясь, и вернул чашу хозяину.

– А ничего! – заметил Степа. – Хотя по здешнему холоду, я бы лучше спирту...

– Сейчас согреешься, воин...

Косухин замер – говорил старик. Язык был прежний, незнакомый, но теперь Степа разобрал каждое слово. По разом застывшему лицу Арцеулова стало ясно, что он тоже понял сказанное.

– Сейчас согреешься, – повторил старик. – Это сома дэви.

Степе действительно стало жарко, но не от воды, а от происходящего.

– Я думал, мы пойдем друг друга и без этого, но вы были слишком невнимательны – как и те, что искали вашей смерти.

По бледным губам вновь скользнула улыбка. Несколько секунд все молчали. Наконец, Арцеулов решился:

– Кто вы?

– Я тот, кто послан вас встретить, – чуть помолчав, ответил старик. – Вы не догадались, вы слишком спешите, воины, и не успеваете даже подумать... Подумайте сейчас.

Степе как-то не думалось. На представителя китайской секции Коминтерна старик никак не походил. Арцеулов тоже не стал размышлять, и невеселая улыбка старика быстро подсказала ответ:

– То есть... Нам что – конец?

– Ваш путь закончен. Вы прошли его до последнего шага. Вас сторожат у тропы. Скоро они поднимутся наверх, и на этот раз будут более внимательны...

– И что? – возмутился Степа. – Неужто ничего сделать нельзя? Ну, спрятаться там?

– Вам незачем прятаться. Вы уже пришли...

Арцеулов молчал. Спрашивать было не о чем – он все понял.

– А... вы всех так встречаете? – не отставал любопытный Косухин.

– Не всех...

Издали, со стороны дороги, сухо прогремел выстрел. Враги не ушли.

Степа между тем напряженно размышлял. Помирать совершенно не хотелось, к тому же старик явно что-то не договаривал.

– Вот что, товарищ, – на этот раз «дедушка» стал «товарищем». – Вы бы это... досказали. Чтобы все сразу. А то непонятно что-то...

– И что вам непонятно, Степан?

На свое имя Косухин не реагировал. Мало ли откуда здесь могут знать комиссара Челкеля?

– Все непонятно. Если нам и вправду крышка, так обычно и без таких... встречающих... обходится. Видел уж, знаю...

– Хорошо, объясню, – старик вздохнул, но без всякого раздражения, словно разговаривал с ребенком. – Вы прошли путь до конца. Но это был не ваш путь, Степан, и не ваш, Ростислав. Вы сбились с дороги, хотя и не по своей воле.

– Ага! – напрягся Степа. – Это, значит, мы сюда по ошибке попали?

– Не по ошибке. Это не так легко объяснить. Представьте, что вы плывете по реке. Внезапно начинается буря, вас уносит в море... Подумайте! Собирались ли вы еще месяц назад сокрушать покой небес? Приходило ли вам в голову, что такое возможно?

– Стоп, – мотнул головой Косухин. – Значит, по порядку. Ясное дело, не собирались. Но то, что возможно – это уж, извините. Видели!...

– Вы видели много невозможного. То, что случилось – это и была буря. Ваши пути закончились не так, как должны были, и меня послали вас встретить. Не бойтесь. Все страшное уже позади.

Этого говорить не следовало. Даже Арцеулов, несмотря на овладевшую им апатию, почувствовал нечто вроде обиды. Степа же буквально вскипел.

– Вот чего, товарищ! За политбеседу спасибо, но я лучше пойду прогуляюсь. Глядишь, перед смертью прихватю с собой другого-третьего! Наслушался я этой поповщины!

Старик покачал головой:

- Вам уже ничего не сделать, Степан. Вам незачем даже ждать пулю. Вот...

Он легко взмахнул рукой, и в то же мгновение вокруг что-то начало меняться. Стало теплее, повеяло весенним ветром, откуда-то донесся легкий запах цветущего сада. Внезапно каменная ниша за спиной у старика засветилась прозрачным, еле заметным светом. Камень, в котором она была вырублена, стал бледнеть, исчезать, превращаясь в золотистый туман.

- Дверь открыта, - бесстрастно произнес старик. - Входите! Многие жаждут, но не многие удостоиваются этого. Вы заслужили - входите!

Арцеулов вспомнил - он уже видел все это сквозь серебряный перстень, сквозь льющийся из ночной темноты лунный свет...

- Нет! - отрубил Степа. - Спасибочки, но я уж лучше здесь останусь.

Старик махнул ладонью, и все исчезло. Вместо золотистого тумана вновь проступил грубый камень.

- Чего же вы хотите?

- Понять, - ответил Арцеулов. - Вы говорили о пути, который мы должны были пройти. Что вы имели в виду?

- Не жалеете о нем. Он был не лучше и не хуже, чем у тысяч ваших сверстников. Он никогда не привел бы вас к этой двери.

- Это как? - вмешался Косухин. - Все мы, прошу прощения, там будем.

- Не все. Большинству придется много раз проходить путь, прежде чем они заслужат право войти сюда.

Косухин был сбит с толку. Отреагировал капитан:

- И все-таки. Вы говорили о том, что нам было суждено...

– Хорошо. Хотите знать об этом? Что ж, сейчас вы вспомните то, что должно было произойти. Вспоминайте!

«Это как?» – подумал недоверчивый Степа, но тут перед его глазами ясно встала знакомая картина: он вместе с другими провожает на черемховском вокзале отряд повстанцев, направляющийся в восставший Иркутск. Косухин стал вспоминать, кого же отправили на помощь к товарищу Чудову, и вдруг сообразил – в Иркутск уезжал он сам, Степан Косухин. Степа удивился, но вспомнил Иркутск, но не зимний, а теплый, весенний, и апрельские лужи хлюпали под его латаными сапогами. А затем он увидел эшелон, мчащийся через тайгу. Мелькнул перед глазами силуэт Казанского вокзала, а потом он вспомнил себя в новенькой командирской форме, стоящим впереди шеренги таких же молодых командиров, и товарищ Троцкий, пламенный Лев Революции, вручал орден, но не тот, сданный в особый отдел Сиббюро, а новенький, и на его рукаве краснела широкая нашивка.

А дальше воспоминания – ясные и четкие, словно все это действительно происходило, нахлынули разом. Косухин увидел себя в густой толпе, запрудившей Главную площадь Столицы. Стояла ночь, горели костры, и на душе было горько и тревожно. Он успел заметить у себя в руках большой венок из еловых веток с черно-красными лентами, на которых было что-то написано свежей серебрянкой. Затем перед глазами поплыли совершенно незнакомые картины: далекий неведомый край, тысячи людей с тачками и лопатами запрудили гигантскую долину, а он, Косухин, в странной, явно буржуйского вида, шляпе, что-то объяснял внимательно слушающим людей. Степа услышал свою собственную фразу о каком-то пятилетнем плане, который они должны были выполнить почему-то всенепременно в три года, и о товарище Сталине, которому следовало послать телеграмму.

Степа не успел даже удивиться, а воспоминания унесли его дальше. Он увидел молодую девушку в красном платке и с тетрадь под мышкой и тут же вспомнил, что зовут ее Валентина, и он обвенчался с нею – то есть, не обвенчался, а «расписался» – как раз на пролетарский праздник Первого Мая. Затем он держал в руках маленького пацаненка, который был похож на него самого, а пацаненка звали Николаем в честь пропавшего без вести на Германской брата-летчика. А воспоминания мчались дальше, неведомый край и огромная стройка сменились тихим кабинетом с зашторенными окнами. Перед Степаном на большом красном ковре менялись люди с бледными перепуганными лицами, и Косухин вдруг понял, что они боятся его, бывшего красного

командира, и эта мысль показалась ему жуткой и одновременно приятной. Потом он был в другом кабинете, и невысокий человек со скрюченной левой рукой курил трубку, что-то объясняя, а он, Косухин, согласно кивал, отвечая: «Так точно! Слушаюсь...». И это было не обидно, а тоже почему-то приятно. Валентина, встречавшая его поздними вечерами, когда огромная машина доставляла его домой в сопровождении молчаливых парней с лазоревыми петлицами, теперь уже не носила нелепой красной косынки. На ее быстро повзрослевшем лице появились небольшие железные очки, совсем как у Семена Богораза, а Николай Косухин-младший, напротив, носил что-то похожее на красную косынку на худой мальчишеской шее. Впрочем, сына он видел редко, и все чаще машина доставляла его домой под утро.

А потом пришел страх. Он сочился отовсюду – из стен кабинета, от портретов того, с дымящейся трубкой, плавал в глазах жены, вместе с которой он ночью, стараясь не шуметь, сжигал какие-то фотографии с дарственными надписями, чьи-то письма... Страх парализовал все чувства, и Степа вдруг понял, что так страшно ему не было ни на фронте, ни даже в заброшенной церкви, когда когтистая лапа рвала доски пола. И наконец, случилось то, о чем вещал страх. Молодые крепкие ребята с теми же лазоревыми петлицами крутили Косухину руки прямо в его огромном кабинете, а затем воспоминания затянуло красным: он лежал на грязном холодном полу, ощущая только одно – боль. Нечеловеческую боль в разбитом теле, боль в душе от того, что где-то рядом в такой же камере избивали его жену. В ушах прозвучали слова какого-то мордастого с ромбами в петлицах, который говорил о невозможном – что Коля Косухин-младший отрекается от отца-изменника и просит того, с трубкой, разрешить ему взять другую фамилию.

...А в конце была стенка – такая, возле которой ему уже приходилось стоять. Но теперь Степа не стоял, а лежал. Последнее, что он видел, были не вспышки выстрелов, несущих, наконец, покой, а мелькание кованых прикладов, которые раз за разом опускались на его голову, пока, наконец, не пришла спасительная тьма...

Косухин сцепил зубы, глядя невидящими глазами на спокойное лицо старика, на разбитый рельеф над алтарной нишей. Он вдруг сообразил, что когда-то это было изображение огромной птицы с распростертыми крыльями. Возле губ оказалась чаша с водой – «сомой», как называл ее старик – и от первого же глотка стало легче...

Ростислав с удивлением поглядел на белого, непохожего на себя Степу – таким Косухина он еще не видел. А между тем Ростислава тянуло немедленно поделиться – хотя бы с этим краснопузым – тем, что довелось увидеть (вспомнить?) самому.

Вначале капитан тоже увидел вокзал, но не черемховский, а нижеудинский. Он стоял неподалеку от станции вместе с группой офицеров рядом с суровым и решительным Любшиным. Полковник держал в руке карту и что-то объяснял, показывая на зеленые пятна бесконечной тайги. Потом он шел, отстреливался, снова шел, читал отходную над телами лежащих в глубоком снегу товарищей, снова шел – и наконец увидел яркое, весеннее солнце. Капитан был на борту огромного парохода, уносившего его по водам спокойного зеленого моря куда-то в даль, а на душе было печально и одновременно спокойно.

Затем был огромный город – Арцеулов почему-то сразу понял, что это Париж, хотя ни разу там не бывал. Он стоял в типографии, вычитывая верстку газеты. Мелькнула маленькая комната с окнами на глухую кирпичную стену, потом другая, где собрались его товарищи. На стене висел портрет Государя с черной лентой, а полковник Любшин читал обращение генерала Кутепова, который возглавлял какой-то РОВС.

Затем снова потянулись дни в типографии, но с каждым разом добираться туда становилось все труднее. В руках у Ростислава появилась тяжелая трость. Собrania офицеров становились все реже, а потом капитан увидел себя на старинном кладбище возле свежей могилы. На рукаве была траурная повязка, он говорил речь, а вокруг стояли его друзья в старых мундирах со странно глядевшимися здесь сверкающими крестами.

И вдруг Ростислав ощутил давно забытое чувство – ненависть. Он ненавидел, но не комиссаров, оставшихся где-то далеко, а других – в темно-зеленых касках, которые шли по улицам Парижа. Он услышал незнакомое слово «боши», а затем воспоминания перенесли его в темный, освещенный керосиновой лампой подвал. Арцеулов стоял у деревянного стола, возле которого сгрудились молчаливые молодые люди в беретах, и он объяснял им устройство ручного пулемета. Ростислав злился на свой корявый французский и на проклятую болезнь, которая не дает ему пойти с этими ребятами туда, в ночь, где идет война.

Потом были те же улицы и вновь – незнакомые солдаты, но уже в другой форме. Ему вручал медаль худой, огромного роста человек, все называли его «генерал», хотя он был не генералом, а, как помнил Ростислав, президентом этой страны.

И тут воспоминания сузились до размеров комнаты, но уже другой, чуть большей. За окнами зеленел лес. Арцеулов сидел в странном уродливом кресле, которое могло двигаться, зато не мог двигаться он сам. К нему заходили гости – и молодые, и старые, которых он помнил молодыми. На столе лежала книга, на титульном листе которой он мог прочитать свою фамилию. Но чаще всего он смотрел не в окно, не на стол, заваленный рукописями, а в большой странный ящик, на котором мелькали, сменяясь, сначала черно-белые, а затем и цветные картинки. Ростислав увидел «Мономах» – то есть, не «Мономах», а другой, похожий корабль, прорывающийся сквозь тучи пара в безоблачное небо. Затем на экране сменялись страшные картины горящих деревень со странными круглыми домиками, мелькали раскосые лица, объятые ужасом, и Арцеулов сердито хмурился.

А потом он вдруг поглядел на свои руки и поразился – это были руки мумии. Ростислав сообразил, что очень стар...

...Бесконечные дни сливались в один, подступало пугающее безразличие, и вдруг, прорывая его, по цветному экрану замелькали новые кадры – огромные, невиданные боевые машины шли по улицам почти забытой им Столицы, и над башнями реяли его, Арцеулова, трехцветные флаги. И наконец он почувствовал слезы на своем худом, почти уже недвижимом лице – над огромным зданием, над гигантским куполом вместо проклятой красной тряпки поднимается русский флаг, который почему-то теперь называли «триколором»...

Значит, он победил! Они все победили – те, кто погиб еще в 17-м, кто шел в Ледяной поход, отстреливался на высоких обрывах Камы, замерзал на Иртыше и Оби... Они победили! Перед глазами мелькнул запруженный людьми аэровокзал, затем за огромным подернутым морозной дымкой иллюминатором проплыли непередаваемой белизны облака... И все кончилось. Кончилось, но осталось главное. Ростислав понял – не зря. Жаль, что он не увидит этого. Но он узнал – а это куда важнее.

Степа постепенно с трудом приходил в себя. Сознание отвергало, отбрасывало увиденное. Вспомнилась светящаяся золотым туманом дверь. Что там, за нею? Рай?

- Вы видели, - мягко произнес старик. - Вы поняли...

- Кажется, да... - кивнул Арцеулов. Степа по-прежнему молчал. Он-то как раз ничего почти и не понял. Ясно одно - беда. И не только для него и его близких. Что-то страшное случится с тысячами, с миллионами, со страной, за которую они все воевали. Но что?

Косухин одернул себя. Почему, собственно, случится? Страхное уже началось, уже происходит. Венцлав, серые оборотни, 305-й Бессмертный, генерал Ирман, профессор Семирадский. Мало? Но ведь это видел он один, а таких, как он - тысячи и тысячи. И если сложить... Уйти за эту дверь просто. Расхлебывать будут другие, других будут забивать прикладами, бросать в огромные черные машины с зашторенными окнами... И тут Степа вспомнил о Наташе. Конечно, он тут рассуждает, а девушке и помочь некому! Этот беляк, небось, уже крылышки примеряет...

- Ладно, товарищ, - решительно заявил он, вставая и отряхивая шинель. - За Ростислава решать не буду, он, чай, не маленький. Только вот чего: говоришь, у нас какие-то заслуги есть?

Старик кивнул.

- Ну тогда вот что... - Степа помолчал, собираясь с мыслями. - Вывел бы ты нас отсюда, раз уж всяким фокусам обучен. А там уж, как выйдет...

- Неужели у вас такие важные дела, Степан? Если вы сейчас уйдете, дверь может никогда не открыться.

- А чего я там не видел? - осмелел Косухин. - Райские яблочки, чердынь-калуга? И раз уж ваша контора все знает, подскажи, где Наталья Берг...

- Знаю, - кивнул старик. - Та, о которой ты беспокоишься, скоро попадет в монастырь Шекар-Гомп. Но тебе не добраться туда одному.

- Почему одному? - Арцеулов тоже встал. - Я с ним. Помогите, если можете...

Наступило молчание. Внизу вновь треснул выстрел, раздался крик, а затем застучали копыта. Старик сидел неподвижно, беззвучно шевеля бледными губами. Наконец, он поднял глаза.

- Вы просите слишком о многом. Тот, кто послал меня встретить вас, строг. Все имеет свою цену...

- Что мы должны сделать? - подхватил капитан.

- Это вы поймете сами. Но будет трудно, куда труднее, чем запускать в небо творенья суетного ума. Ни я, ни тот, кто послал меня, не смогут помочь...

- Ладно! - перебил Косухин. - Это уж как выйдет. А, может, нам с вашим старшим поговорить?

- С кем? - поразился старик. - Кого вы имеете в виду, Степан?

- Старшего или главного - кто там у вас? - упрямо повторил Косухин. - Пусть он мне все и растолкует!

- Вы понимаете, о чем просите?

- А то! Чего тут не понимать?

- Хорошо, - кивнул старик. - Я передам ваши слова. Вы странные люди - отказались от того, чего другие не могут добиться ни за золото, ни за кровь... А сейчас - идите. Вас встретят и проводят...

Ростислав и Степа переглянулись.

- Идите, - повторил старик. - Но не забывайте - вы в долгу. Прощайте!..

У самого порога Ростислав оглянулся - старик сидел неподвижно, глаза его были закрыты, и капитану внезапно показалось, что перед ним не человек, а каменная

скульптура, покрытая пылью и мелкой каменной крошкой, веками падавшей со стен...

На площадку выбрались как можно осторожнее. Степа, пригнувшись, заглянул в ущелье.

– Стоят, гады! Трое. Карабины наготове, чердынь-калуга!

– Подождем, – отозвался капитан. – Вдруг старик правду сказал...

Шли минуты, но в ущелье все оставалось по-прежнему. Китайцы явно скучали, но уходить не собирались.

– Вот язва, – вздохнул Косухин. – Слушай, Ростислав, раз ты образованный, то давай, пока время есть, объясняй. Только без этого...

– Без мистики? – улыбнулся Арцеулов. – Попробую. Тут, на Востоке, есть всякие секты...

– А дверь? – перебил Степа. – Темнил он, вот что! Видал, как заерзал, когда я про главного спросил? Эх, дурят нас...

Ростислав хотел возразить, но тут вдали ударил выстрел, затем еще один. Не сговариваясь, Степа и Арцеулов взглянули вниз. Китайцы уже не стояли – мчались, подстегивая лошадей к выходу из ущелья. А следом, подымая тонкую белесую пыль, несясь небольшой конный отряд – человек пятнадцать, впереди которых скакал на огромном белом коне всадник в красном халате.

Поравнявшись с храмом, он на мгновение задержался, привстал на стременах, и что-то крикнул, глядя наверх.

– Кажется, за нами, – заметил Арцеулов. – Ну чего, рискнем?

– По радио он их вызвал, что ли? – неодобрительно заметил Степа. – Придется рискнуть. Сектанты, говоришь...

Он вздохнул и первым начал спускаться вниз, в ущелье.

Глава 2. Командир Джор

Внизу их ждали. Всадников было даже больше, чем казалось вначале – не менее двух десятков. Привычный глаз Арцеулова тут же отметил, что кони у отряда превосходные, ухоженные и сытые, отлично подогнанная сбруя блестит начищенным серебром. А вот одежда явно подкачала. Все были одеты в настоящую рвань – старые, потерявшие всякий вид шинели без погон, дырявые ватные халаты и в столь же ветхие полушубки. Под огромными лохматыми шапками весело скалились косоглазые физиономии, лица были небриты, некоторые, постарше, щеголяли большими черными бородами.

«Разбойники», – констатировал Степа, естественно не вслух. Оружие, которым были увешаны пришельцы, не располагало к откровенности.

Человек в красном халате, единственный, одетый не просто аккуратно, но даже богато, тронул пятками бока своего белого жеребца и подъехал ближе. На сверкающем золотом поясе висела огромная сабля, на голове чуть косо сидела соболья шапка, загорелую руку украшали перстни. Молодое лицо командира было спокойно, узкие глаза смотрели без удивления, словно всадник давно уже ждал этой встречи.

Степа хотел было сказать обычное «здрасьте», но передумал и четко, словно на параде, приложив руку к шапке, отчеканил:

– Красный командир Степан Косухин!

– Капитан Арцеулов! – Ростислав тоже решил не ударить лицом в грязь.

Всадник в красном взмахнул правой рукой, на запястье которой болталась богато украшенная камча, и что-то проговорил на гортанном незнакомом языке.

– Эх, чердынь!.. – вздохнул Степа, в который раз чувствуя недостаток образования. Арцеулов подумал о том же и хотел обратиться к всаднику по-немецки, но услышал знакомый голос:

– Джор-баши приветствует вас, братья-вояки. Он спрашивает, не изменились ли ваши планы...

Изумляться Арцеулов уже разучился, но все же увидеть чешского подпоручика здесь, у Такла-Макана, не рассчитывал. Чех был все тот же – в зеленой шинели и легкой, не по сезону, фуражке с длинным козырьком. Лицо улыбалось, но глаза, как и прежде, казались холодными, тусклыми. В отличие от всех прочих, у него не было оружия, лишь у пояса болтался короткий нож.

– Наши планы не изменились, – ответил Арцеулов. – Нам надо в Шекар-Гомп...
Здравствуйте, подпоручик!

Чех вновь улыбнулся и что-то сказал командиру. Тот кивнул и, обратившись к своим всадникам, произнес несколько коротких резких фраз. В ответ те разом вскрикнули, подняв вверх оружие.

– Джор-баши говорит, что вы смелые люди. Его батыры приветствуют вас...

К ним подвели коней – серого для капитана и рыжего для Степы. Забираясь в седло, Арцеулов вдруг вспомнил, что не видел в отряде ни одной заводной лошади. Косухин, не обучавшийся выезде в юнкерском училище, чувствовал себя весьма неуверенно. Но боялся он напрасно – то ли конь попался хороший, то ли у Степы был прирожденный талант, но в седле сиделось крепко.

Джор-баши, пнув коня каблуком, крикнул, и отряд тронулся с места. Ехали почему-то не в сторону дороги, а обратно – в глухой тупик.

– Командир велел передать, что до Шекар-Гомпа долгий путь, – чех скакал рядом с Арцеуловым, придерживая рвавшегося вперед норовистого коня. – Он не сможет довести вас к самому монастырю, но там останется немного, и мы объясним, как добраться. Еще Джор сказал, что с радостью пошел бы с вами, но тот, кто приказывает ему, велел передать, что это ваш путь.

Арцеулов кивнул, хотя понял далеко не все. Он поглядел на подпоручика, автоматически отметив неплохую посадку, как вдруг в голову пришла неожиданная мысль. Он придержал своего серого, чтобы поравняться со Степой.

...В красную кавалерию Косухина определенно бы не взяли. Приходилось напрягать все силы, чтобы не отставать от остальных.

- Степан, - окликнул Арцеулов. - Как вы?

- Не хуже, чем у товарища Думенко! - отозвался тот несколько сдавленным голосом.

Капитан не слышал об отважном красном кавалеристе, но понял.

- Чеха видели? - продолжал он, но уже потише.

- Подпоручика? Ага. Навидался я таких еще на Волге... А что, знакомый?

- Знакомый...

Итак, подпоручика видел не только он...

- Станный он, - заметил Степа, - лицо какое-то... И глаза...

Он не стал уточнять, что лицо чеха напомнило ему другое - генерала Ирмана. Впрочем, у Косухина хватало проблем и без странного подпоручика.

- Слушай, Ростислав, а все-таки дверь...

- А что - дверь?

- А то...

Степа и сам не понимал, зачем заводит этот разговор. Наверное, ждал, что впавший в поповщину и мистику белый гад заведет шарманку про рай с адом. Тогда - из здорового чувства противоречия - Косухин сумел бы убедить себя в противоположном.

- Не знаю, - чуть подумав, ответил капитан. - Может, тайное убежище...

– Ага-а... – протянул Степа. – А чего тогда ты не захотел войти? Пересидели бы...

– Береженого Бог бережет... – неопределенно заметил Ростислав. Излишне откровенничать он не собирался.

– Бережет, значит?..

Степа чувствовал, что беляк темнит, и на душе становилось все тревожнее. Многие довелось повидать Косухину за последнее время, но все более или менее вкладывалось в эластичные рамки материалистического учения. А вот дверь не влезала, изрядно смутив стойкого большевика.

Увидев, что Степа погрузился в раздумья, Арцеулов решил заняться единственно возможным видом деятельности – наблюдением. Прежде всего, удивила дорога. Капитан хорошо помнил, что от входа до конца ущелья, то есть, до высокой горы с крутыми склонами, было версты три. Значит, скакать им недолго, но минуты шли за минутами, а гора не только не приближалась, а как будто даже стала удаляться. Оставалось уповать на оптический обман или мираж, но капитан хорошо помнил карту. Ущелье на ней вообще не было обозначено, а горы казались на крупномасштабной карте маленьким пятнышком, сразу же за которым начиналась бесплодная ширь Такла-Макана. Но пустыня куда-то пропала. Арцеулов был уже готов обвинить во всем нерадивых картографов, но хватало и прочих мелочей.

К примеру, пыль. Капитан хорошо запомнил, как пылили всадники, когда он увидел их с площадки возле храма. Теперь же никакой пыли Ростислав не заметил, хотя дорога оставалась все той же. Да и скакали они как-то странно: слишком ровно, не спотыкаясь, хотя на дороге было полно камней. Между тем, толчков капитан не чувствовал. На шее коня он не заметил и капли пота, животное дышало спокойно, будто шло шагом, а не рысью. Копыта ступали в пыль, оставляя легкие – слишком легкие – следы, но словно не касались земли, проплывая в каком-то миллиметре от дороги. Еще одна странность – Ростислав видел, как неопытный Степа излишне рвет удила, но конь на это никак не реагирует. А таких коней капитан еще не встречал. Можно было, конечно, спросить у чеха, но Ростислав понял, что не сможет правильно сформулировать вопрос. Поэтому он предпочел не спешить.

Через полчаса капитан понял, что не ошибается. Ущелье становилось шире, гора, закрывавшая выход, отступила вдаль и теперь едва виднелась на горизонте. Вспомнились слова старика: «Вы смотрели, но не видели...» Но если так...

Арцеулов почти отпустил поводья и сделал то, что никак не следовало делать всаднику, идущему рысью – прикрыл глаза. Ничего, казалось, не изменилось, конь рысил дальше, но Ростислав вдруг понял, что напоминает ему эта странная скачка. Теперь, когда он не видел ни дороги, ни ущелья, чувства подсказали – конь не скакал, он словно плыл, но не в воде, а по чему-то более мягкому, податливому, обтекавшему со всех сторон. Ростислав чуть задержал веки полуприкрытыми, и вдруг перед глазами проступило что-то огромное, светло-желтое. Внезапно захватило дух, и капитану показалось, что он вновь оказался в кабине «Муромца».

Он открыл глаза – надоевшее ущелье продолжало неторопливо расширяться, гора, убегая вдаль, таяла на горизонте. Но Арцеулов уже не верил. И так, открытыми глазами ничего не увидишь. Ну что ж...

Он вновь прикрыл веки, но не полностью, оставляя узкую щелочку. Вначале показалось, что он ошибся. Ростислав попытался вновь, взглянул налево, затем направо...

...Конские копыта действительно не касались земли. Арцеулов не ошибся – они не скакали, а плыли. Только не по воде – воды здесь не было и в помине. Плыли по воздуху, а вокруг не было ничего, кроме светло-голубого зимнего неба.

Земля осталась далеко внизу. Вернее, не земля, а огромная серо-желтая пустыня, то ровная как стол, то горбившая гигантскими барханами. Вспомнился рассказ Лебедева – Такла-Макан, сердце Азии, страшный песчаный ад, не проходимый ни зимой, ни летом, по которому передвигаются трехсотметровые барханы – и призраки...

Земля-пустыня была далеко, будто они вновь летели в «Муромце», но Арцеулову показалось, что они мчатся с гигантской, невероятной скоростью. И сами всадники изменились, став огромными, под стать небу и пустыне.

Тех, кто скакал рядом, капитан не смог разглядеть – все-таки через полуприкрытые веки наблюдать было затруднительно. Лишь на долю секунды показалось, что он увидел руку одного из всадников. Нет, не руку – желтым цветом, в тон далеким пескам, светилась под солнцем твердая, высушенная ветром и временем кость...

Капитан, судорожно вцепившись в поводья, открыл глаза. Ущелье никуда не исчезло, они продолжали рысить по бесконечной дороге. Можно было перевести дух, перекреститься и сказать самому себе спасительное: «Померещилось...»

Часа через полтора скакавший впереди Джор-баши поднял правую руку. Отряд придержал лошадей. Командир огляделся и шагом направил белого скакуна к подножию горы. Всадники стали спешиваться, кто-то побежал к ближайшим зарослям сухого кустарника за дровами, кто-то уже снимал с седла кожаный бурдюк с водой. Намечался отдых – и чай.

Соскочив с коня и поведив его, как и полагалось, несколько минут, Арцеулов поразился, как мало устал. «Интересно, сколько мы проскакали?» – мелькнуло в голове. А ведь они прорысили по ущелью верст двадцать. Но если считать по тому, что мерещилось...

Степа, отпустив коня отдыхать, уселся прямо на землю, по-прежнему хмурый и задумчивый. Молча достав пачку, он выдал Арцеулову предпоследнюю папиросину, согнул гармошкой последнюю и так же молча стал пускать кольца дыма в бесстрастное небо.

Арцеулов, настроение которого несмотря ни на что почему-то заметно улучшилось, был готов в очередной раз доставить себе удовольствие и съязвить в адрес краснопузого, но вид у Степы казался слишком уж не располагающим. Поэтому капитан начал иначе:

– Все о двери думаете, Степан?

– Ага...

Степа хотел ограничиться этим исчерпывающим ответом, но внезапно его охватила злость – и на себя, и на недобитого констриктора, а еще больше на то, что Косухин не мог обозначить каким-либо внятным словом.

– Хочешь, Ростислав, порадую?

Капитан вопросительно поглядел на Косухина.

– Не знаю, чего ты там увидел, а вот мне старик накрутил, будто большим начальником стану...

– Поздравляю!

– Слушай дальше, беляк...

И Степа, сам не понимая зачем, рассказал белому гаду Арцеулову все: и про орден, и про стройку, и про сухорукого с трубкой, и про приклады, падающие на его распростертое на полу тело.

– Вот так... – выдохнул он, и сразу же стало легче. – Ну чего, белая кость порадовался?

– Нет, – иногда Арцеулов умел отвечать столь же односложно.

– Врешь, – скривился Косухин. – Знаю вас, беляков!..

– Плохо знаете...

Между тем галдящие воины Джор-баши уже возились возле костра костерка, на котором грелся котелок с водой. Арцеулов вспомнил, что после всех неприятностей лишился не только оружия, но и кружки с котелком.

– А ты чего увидел? – поинтересовался Степа. – Небось, как наших к стенке ставишь? То-то гляжу, веселый!

Арцеулов хотел ответить резко, но, взглянув на Степу, несколько снизил тон:

– Судя по вашим словам, Степан, с вами разобрались не наши, а как раз ваши. Революция – это свинья, которая жрет своих детей...

- Сам придумал?

- Нет, это не я. Это Камилл Демулен, тот, что Бастилию штурмовал. Так что нас не вините. А видел я, будто ухожу через тайгу, затем живу в Париже, потом воюю - но не с вами, ну, а под конец сижу в кресле и смотрю...

Арцеулов не знал, как назвать странный ящик, по экрану которого бегали изображения, и неуверенно закончил: «Синема».

Он хотел добавить про русский флаг, который будут называть «триколором», но почему-то промолчал.

- Буржуй, - вздохнул Степа. - И жизнь у тебя будет буржуйская!

- Должна была быть, - уточнил Арцеулов. - Должна - но уже не будет. И у вас будет как-то по-другому. Так что, может, все к лучшему. Тривиум! Там, у пещеры, сошлись три наши дороги. Та, которая, должна быть, та, что у нас вышла на самом деле. И новая, которая начинается...

Внезапно Ростислав смутился. Получилось как-то слишком поэтично, а в присутствии краснопузого он старался придерживаться военно-полевого лексикона.

- Наша жизнь понадобилась, - заключил капитан. - Кому-то нужно, чтобы мы жили дальше. Вопреки судьбе...

- Да причем тут судьба? - махнул рукой Степа. - Да и кому мы тут нужны? Тем, что за той дверью, что ли?

Арцеулов лишь пожал плечами.

- Дверь эта... Слушай, Ростислав, ну, а все-таки, чего там? Чего нам обещали?

- Вы же в детстве ходили в церковь...

- Ага! - взъярился Косухин. - Рай там, да? Каждому по перу вставляют и эту... арфу в зубы? Слышал, как же! Ты, Ростислав, меня, как пролетария, видать, за

дурика держишь!

– Я же предположил, что там вход в тайное убежище, – примирительно заметил капитан, которому совсем не хотелось ссориться.

– Брось! – скривился Степа. – Другое там! Только в рай-ад я тоже не верю. Заглянуть бы... Только, сдается мне, обратного ходу оттуда нет...

Арцеулов не без удивления поглядел на расфилософствовавшегося пролетария. Сам он пришел к такому же выводу.

– О чем спор, братья-вояки? – чех подошел незаметно и присел рядом, держа в руке дымящийся котелок. – Чай будете?

От предложения никто не отказался, и подпоручик вручил каждому по жестяной солдатской кружке. Правда, чай был каким-то подозрительным, но Степа храбро глотнул – и тут же замер с открытым ртом.

– Аг-х-х... Это чего?

Арцеулов, подносящий кружку ко рту, на всякий случай решил подождать. Чех рассмеялся, храбро хлебнув прямо из котелка:

– Смелее, братья-вояки! Это монгольский чай. Он зеленый, с солью, мукой и бараньим жиром.

Звучало не очень обнадеживающе, но в конце концов обе кружки были опустошены, а храбрый Косухин даже попросил добавки. Вскоре прозвучал приказ, и конники стали собираться. Между тем Арцеулов уже несколько раз пытался посмотреть на все происходящее по-своему, через прищуренные веки. Но ничего не выходило. Лишь однажды почудилось, будто он видит ровную желтую степь, а вдали возвышается огромная, странной формы скала. Капитан нагнулся и взял в руку несколько вывороченных грудок серой сухой земли. Земля на ощупь была самой обыкновенной, но сжав ее в руке, Ростислав на миг почувствовал что-то иное – словно вместо твердых земляных комков он сжимает в ладони горсть просыпающегося сквозь пальцы холодного песка...

Отряд уже стоял наготове, ожидая команды, когда Джор-баши внезапно привстал на стременах, прислушиваясь, что-то сказал ближайшим всадниками, а после подозвал к себе чеха. Они проговорили не дольше минуты, и подпоручик подъехал к Арцеулову:

– Джор-баши велел передать, что по дороге нас попытаются задержать. Если будет бой – держитесь сзади, ведь у вас нет оружия.

– Так дайте винтари, чердынь-калуга! – вмешался Степа. – Мы чего, стрелять не умеем?

– Командир Джор отвечает за вас. Не спеши, брат-воjak! Еще успеешь пострелять...

Джор-баши крикнул, взмахнул камчой, и отряд тронулся с места. Арцеулов, оказавшийся между чехом и Степой, устроился поудобнее в седле и прикрыл глаза.

...В глаза ударило что-то желтое, и Ростислав понял, что видит песчаный бархан. Он был совсем рядом, прямо под копытами коня, но они уже плыли по воздуху, и лишь изредка подковы касались песчаной вершины. Отряд поднялся выше, барханы – и этот, и соседний – стали уменьшаться, сливаясь с бесконечным желтым пространством. И чем выше отряд уходил в небо, тем больше становились всадники, словно вырастая на глазах.

Его окликнул чех. Капитан, открыв глаза, убедился, что они едут тем же ущельем, уходящим все дальше на юг. Гора, прежде закрывавшая путь, исчезла без следа.

– Не засни, брат-воjak! – повторил чех. – С коня упадешь!

Арцеулов кивнул и вдруг представил себе, как падает с коня, но не на близкую серую землю, а в голубой океан над мертвой желтой пустыней.

– А что, подпоручик? Долго падать?

Чех взглянул ему прямо в глаза, и Арцеулову на миг стало страшно от этого пристального немигающего взгляда.

Косухин не забирался мыслями так далеко. Он прикидывал, где бы раздобыть оружие, дабы не оказаться у стен загадочного монастыря беззащитным, а заодно, что им всем делать дальше. Тут наступала полнейшая неясность, и Степа лишний раз обругал себя за недостаточный интерес к географии, а заодно к лекциям о международном положении в странах зарубежной Азии. О таинственной двери он решил пока забыть. Вместо этого Степа стал мысленно составлять докладную руководителю Сиббюро товарищу Смирнову. Докладная получилась безразмерная, а разделы о «Мономахе» выходили вообще какими-то несуразными. О Венцлаве Косухин решил молчать до того момента, пока лично не прибудет в Столицу и не попадет на прием к товарищу Троцкому – или даже к самому Вождю.

...Выстрелы ударили неожиданно. Арцеулов и Степа успели лишь вскинуться, всматриваясь вперед, а всадники, следуя неслышной команде, уже перестраивались, прикрывая их от врагов. Тех было не менее полусотни – оборванных, в грязных халатах, зато с новенькими английскими винтовками. Большинство заняло позиции за камнями у одного из склонов, а наиболее смелые расположились прямо на дороге, стреляя с колена.

– Эх, винтарь бы!.. – Степа даже закусил губу, чувствуя свое бессилие. Отсиживаться за чужими спинами красный командир Косухин не привык.

Арцеулов не удивился – он словно ждал чего-то подобного. Отряд сбавил ход, перестраиваясь из колонны в лаву, и Ростислав прикрыл глаза.

...Пустыня кончилась. Перед ними возвышалась гигантская горная цепь. Громадные черные пики, голые, с пятнами снега по бокам, были совсем рядом, а чуть дальше, у горизонта, почти до самого небосвода высились невероятной высоты вершины, затянутые белесым туманом. Никаких бандитов в рваных халатах – на краю скал ровной цепью стояли черные фигуры с рогатыми головами, размахивая в воздухе чем-то вроде длинных изогнутых мечей. Ростислав невольно вздрогнул – это не люди! На них не было одежды, вместо пальцев торчали суставчатые отростки с кривыми черными когтями, пасти скалились клыкастой ухмылкой.

«Бред!» – пронеслось в голове. Арцеулов поспешил открыть глаза и тут же нагнулся почти к самой конской гриве – новый залп ударил почти в упор. «Пусть стреляют! – Ростислав осенил себя крестом. – Лучше от пули, чем в зубы к тем...»

Джор-баши крикнул, и отряд рванул вперед, переходя с рыси в галоп. Арцеулов ударил коня каблуком в бок – скакун заржал и помчался стрелой. Рядом летел на своем рыжем Степа, и капитан поневоле позавидовал краснопузому. Лучше думать, что прорываешься под пулями на полном скаку, чем представлять, как с каждой секундой приближаются зловещие пасти с острыми клыками, как красным огнем горят немигающие круглые глаза...

Никто из всадников не стрелял, только передовые выхватили сабли. Сам Джор-баши не доставал оружия. Он сидел в седле ровно, и на красивом спокойном лице не отражалось ничего, будто командир не видел опасности – или слишком презирал ее...

Враги не уходили. Те, что оставались на флангах, продолжали огонь, а стоявшие на дороге упали на землю и пытались стрелять лежа. Еще секунда – и конь Джора, мчавшегося первым, разорвет бандитский строй...

...В последний момент Ростислав не удержался и прикрыл глаза. Черные чудища были уже совсем рядом, они подпрыгивали, пытаясь достать всадников кривыми мечами, но каждый раз отскакивали, не нанося им вреда. Красные глаза бешено сверкали, из пастей капала пена, но стало ясно, что всадники прорвутся. Белый конь Джор-баши взлетел чуть повыше, ударил копытами первого демона...

Ростислав открыл глаза – бандит в рваном халате валялся в пыли, бросив винтовку, остальные бежали прочь, а конная лава уходила дальше, недоступная ни стали, ни свинцу. Прогремели еще несколько выстрелов – били вдогон, растерянно и беспорядочно, а затем наступила тишина, нарушаемая лишь стуком копыт.

– Прорвались! – облегченно выдохнул Арцеулов, поглядев на Степу. Тот недовольно хмурился. Война приучила к оружию, и без винтовки Косухин чувствовал себя не просто беззащитным, но и чуть ли не голым.

Отряд вновь перешел на рысь. Погони не боялись, более того, Арцеулов заметил еще одну странность, понятную опытному фронтовику – после боя бойцы

мгновенно успокоились, никто не переговаривался, не шутил, как будто вообще ничего не случилось. Косухин, не интересовавшийся вопросами военной психологии, отметил лишь отсутствие потерь. Немного поразмыслив, он отнес это к низкому уровню стрелковой подготовки местных бандитов.

Где-то через пару часов отряд вновь остановился. В этом месте долина вновь сузилась, горы подступили к самой дороге. Конники спешили и, наломав сушняка, принялись варить похлебку. Покуда котел кипел, Степа и Арцеулов сидели в сторонке, дымя самокрутками из тех крошек, которые удалось наскрести по карманам. Говорить было не о чем, разве что о близкой перспективе остаться без курева.

Похлебка получилась жирной и пересоленной, но для беглецов, последний раз обедавших сутки назад, экзотическое блюдо показалось верхом местной гастрономии. Сразу же потянуло вздремнуть, но времени не было. Джор-баши отдал команду, и отряд вскочил в седла.

Теперь ехали гораздо медленнее. Трое всадников были высланы в дозор, остальные держали наготове винтовки, и оба беглеца в очередной раз пожалели, что остались без оружия.

Следующая засада встретилась часа через полтора, когда бледное зимнее солнце уже начало клониться к западу. Где-то вдали ударила пулеметная очередь. Через минуту показались мчавшиеся что есть дух дозорные, и Джор-баши остановил отряд. Всадники кричали, указывая на выступ скалы, нависавшей над ущельем. Слов было не разобрать, но все стало ясно и так: за скалой засел пулеметчик.

На спокойном лице Джора мелькнула легкая, чуть презрительная усмешка. Он что-то сказал бойцам, те дружно расхохотались, после чего последовала команда. Четверо спешили, передав коней товарищам, и отправились по еле заметной тропе, ведущей наверх, к скалам.

Джор-баши подождал с четверть часа, а затем вновь скомандовал, и отряд шагом двинулся вперед. Неугомонный Степа сунулся было в первый ряд, но его тут же оттеснили. Бойцы держали винтовки наизготовку, настороженно посматривая наверх.

Как только послышалась выстрелы, стволы ударили залпом. Пулеметчик на мгновение утих, но затем вновь послал очередь, взметнувшую пыль перед конем Джора. Белый скакун даже не дрогнул. Бойцы, дав еще залп, стали рассредоточиваться, не забывая при этом прикрывать Степу и капитана.

– Да чего это они? – наконец не выдержал Косухин. – Да кто ж так, чердынью-калуга, воюет? Это ж каждый унтер знает! Соскочить на землю, да за лошадей, да прицельным огнем!

– Не вздумайте слазить с коня! – резко бросил капитан.

– Сам знаю! Еще за труса примут!

Арцеулов прищурил глаза и чуть не отшатнулся. Ущелье вновь исчезло. Отряд стоял, тесно сбившись на маленькой каменной площадке между двумя гигантскими пропастями. Прямо над ними нависала покрытая снегом гора, небо было не светло-голубым, а почти синим, вдали, задевая за уступы скал, плыли бледные рваные облака. Арцеулов поглядел вперед, туда, где засада. Пулеметчика не было – на заснеженном склоне разместился громадный многорукий великан. Круглые глаза горели желтым огнем, из пасти то и дело выскакивал длинный ярко-красный язык, расщепленный на конце, словно у гадюки. Огромные шестипалые конечности вцепились в каменные выступы, удерживая громадное туловище на склоне. Круглая голова с большими продолговатыми ушами лежала прямо на плечах, шеи у чудища не было, зато на спине топорщилось что-то похожее на гребень. Великан взревел, длинный узкий язык пламени метнулся вперед, лизнув край скалы, на которой стояли всадники. Бойцы Джора вскинули винтовки – нет, не винтовки, луки – и десяток стрел понесся вверх. Великан махнул когтистой лапицей, закрывая морду, две стрелы вонзились в предплечье, и по горам вновь пронесся громкий тоскливый рев.

– Вы слышали? – Арцеулов, открыв глаза, повернулся к Степе.

– Чего? Ну, стреляет, гад. А что?

Объясняться было некогда, да и Степа все равно бы не поверил.

Пулеметчик вновь смолк, но всадники не двигались.

– Эх, прорываться надо, чердынь-калуга! – вздохнул Степа. Арцеулов кивнул и вновь попытался увидеть то, другое...

...Великан был там же, красная пасть недобро скалилась, огромная ушастая голова нерешительно поворачивалась то влево, то вправо. Чудище было чем-то обеспокоено. И тут, откуда-то сбоку, взвилась стрела, великан заревел, пораженный в бок...

Капитан открыл глаза и услышал стрельбу. Били откуда-то со скалы, совсем неподалеку от пулеметчика.

– Молодец командир, чердынь его! – прокомментировал довольный Косухин. – Он же своих в обход послал! Ну, сейчас будет дело!..

Действительно, всадники стали перестраиваться, явно готовясь к прорыву. Джор оглянулся, крикнул – и отряд стрелой понесся по ущелью. Где-то наверху по-прежнему гремела стрельба, но пули неслись в другую сторону – тот, кто был в засаде, отбивался от бойцов, подобравшихся к его убежищу.

Через несколько минут несколько всадников, держа оседланных коней в поводу, отстали, чтобы дождаться своих. Остальные, во главе с Джором, поехали дальше, вновь перейдя на спокойную рысь.

Вскоре отряд остановился и спешился, правда чаю не варили и держались настороже. Похоже, остановка нужна была лишь для того, чтобы подождать отставших и дать отдых коням.

Косухин страдал – табак, включая последние крошки из карманов, кончился. Он огляделся, с изрядным пессимизмом отметив, что никто из бойцов Джор не курит. Поразмыслив минуту, Степа направился к одиноко сидевшему в стороне чеху.

– Слышь, товарищ, – нерешительно начал он, – у тебя того... Ну, табачку...

Чех улыбнулся, пошарил в кармане зеленой шинели и достал нераспечатанную пачку папирос «Атаман» с портретом врага трудового народа Семенова,

выполненным в три краски. При виде знакомых папирос Степа оттаял.

- Спасибо, браток! Я две штуки возьму. Для капитана...

- Бери все, брат-воjak! - вновь улыбнулся легионер.

Обрадованный Косухин еще раз поблагодарил и не смог удержаться от следующего вопроса, на этот раз куда более серьезного:

- Ты, товарищ, видать из чехвойска?

- Был, - на этот раз на лице подпоручика не было улыбки. - До... как это по-русски... апреля прошлого года. Можно сказать, отвоевался, брат-воjak.

- Так чего ты здесь? Ехал бы домой, отдыхал...

- Отдохну, - так же серьезно кивнул чех, - но сначала нужно помочь другу. Ведь мы должны помогать друзьям, правда?

- Правда, - кивнул Косухин. Чех ему понравился. - А кем ты до войны был?

- Гимназистом. Из старшего класса призвали. В пятнадцатом...

Их глаза случайно встретились, и вдруг Степе стало страшно. Такой взгляд он уже видел. Видел - и не забудет до конца дней...

Арцеулов, все еще переживавший последний бой - и тот, который видел Косухин, и тот, что видел он сам, закурил почти без всякого удовольствия, и лишь потом догадался поблагодарить Степу за папиросы.

- У чеха взял, - пояснил Косухин, не вникая в подробности. - Хороший, видать, парень...

Вскоре послышался топот копыт, и показались отставшие. Степа, пересчитавший всадников, с удовлетворением отметил, что и в этой схватке отряд не понес потерь. Его доверие к командиру Джору заметно выросло.

Солнце клонилось к горизонту, а они все еще ехали по бесконечной долине. Даже слабо разбиравшийся в географии Косухин начал понемногу удивляться. Арцеулов уже не сомневался. Теперь, когда солнце понемногу садилось, и дневной свет мерк, ему уже не надо было зажимать глаза. Достаточно чуть прищуриться, и перед ним вставали горы – огромные, невероятно высокие, покрытые мощными ледниками. Лед искрился в лучах уходящего солнца то синим, то зеленым огнем, внизу чернели скалы, а над всем этим нависало темно-синее небо, по которому летели гигантские всадники...

«Карту бы! – в очередной раз подумал капитан. – Это же какие за Такла-Маканом должны быть горы?»

Впрочем, в подобных пределах Арцеулов географию знал, но ответ был слишком пугающим и невероятным.

Солнце уже коснулось горизонта, заметно похолодало, в воздухе изредка слышался далекий птичий крик, а отряд все ехал. Кони шли без усталости, словно только что стояли в стойлах, а не рысили весь день по каменистой дороге. Степа и Ростислав тоже не ощущали особой усталости. Конечно, ночное путешествие и дневная скачка оставили свой след, но оба чувствовали себя достаточно бодро.

«Нервы, – рассудил капитан. – Потом отпустит – и свалюсь».

...Крик прозвучал неожиданно, когда вокруг стояла звенящая предзакатная тишина, и даже птицы стихли, уступая свои дневные владения ночи. Кричал один из дозорных, карьером гоня коня к Джору.

– Видал? – прокомментировал Степа. – Снова нарвались! Джор-то...

Он не договорил, но Ростислав понял. На этот раз командир воспринял опасность куда серьезнее. Он внимательно выслушал дозорного, и даже на расстоянии было заметно, как помрачнело его лицо. Джор повернулся к бойцам и что-то проговорил. В ответ слышались недовольные голоса, но Джор-баши повторил приказ, на этот раз громче и резче, и всадники начали поворачивать коней.

– Да чего это он? – Косухин был явно озадачен.

Отъехали недалеко – метров на сорок. Джор остался на прежнем месте, положив винтовку на шею своего белого коня. Послышался странный клекочущий звук, вначале еле слышный, затем все более заметный и громкий. Арцеулов и Степа переглянулись.

– Чердынь его! – протянул Косухин. – Аэроплан!

Ошибиться было трудно – этих звуков они слышались за последние дни. Мотор уже гремел, и вот из-за ближайшей горы вынырнул хищный черный силуэт. Машина с ревом пронеслась над всадниками и сгнула в темнеющем небе.

– На разворот пошел, – Степа облизнул потрескавшиеся от ветра губы. – Сейчас врежет, гад!

Арцеулов молчал, чуть прикрыв веки – с каждым разом это становилось все проще. Ущелье пропало, вместо него вновь выросли чудовищной высоты заснеженные пики. Они стояли на одной из вершин, вокруг сверкал синеватый лед, и солнце, исчезавшее в промежутке между двух гор, казалось огромным. Лед под копытами был чист, без единого следа. Ростислав без всякого удивления заметил, что никто из всадников не отбрасывает тени...

...Мотора он не услышал – лишь какой-то резкий свист. Что-то черное понеслось на них прямо со стороны исчезавшего за горами солнца. Оно и в самом деле походило на аэроплан, но чем ближе, тем яснее видны были медленно движущиеся кожистые крылья, длинная изогнутая шея и огромная голова с небольшими рожками и высоким гребнем. Пасть чудища была раскрыта, глаза горели ровным синим огнем, а из-под покрытого чешуей брюха свисали когтистые лапы, покрытые темной бугристой кожей. Крылатая смерть летела почти беззвучно, только негромкий свист продолжал звучать, и от этого свиста дикой болью взорвалась голова, во рту стало сухо...

Крылатый змей летел прямо на сгрудившихся всадников, лениво поводя крыльями. Когтистые лапы начали сжиматься, пасть раскрылась, и оттуда повеяло не огнем, как в старых легендах, а могильным холодом. Казалось, вновь вокруг встали деревянные стены старой церкви, и нечеловеческая рука рвет доски пола...

Кони тревожно заржали, переступая ноги на ногу, и только натянутые уздечки удерживали их на месте. Лишь белый скакун командира стоял, как влитой. Джор медленно выпрямился в седле и поднял правую руку к закатному солнцу.

Арцеулов вспомнил барельеф над входом в старый храм. Он был разбит, но не узнать всадника было невозможно...

В руках Джоря появилось ружье, до этого лежавшее поперек конской холки. Нет, не ружье – гибкий белый лук, на тетиве уже была наготове стрела. Левая рука застыла в воздухе, а правая начала не спеша оттягиваться к уху...

...Чудовище ускорило свой полет, крылья забились, словно змей почуял опасность. Вновь дохнула черная пасть, мертвый холод стал невыносим. Но Джор по-прежнему не двигался, стрела замерла, готовясь к полету...

У Ростислава перехватило дыхание. Казалось, он уже видел это: всадник на белом коне, в остроконечной монгольской шапке с натянутым тугим луком на фоне уходящего за горы солнца – и смерть, несущаяся навстречу...

Змей вновь раскрыл пасть, глаза полыхнули белым пламенем, и в тот же миг стрела сорвалась с тетивы. Дохнул холод, Арцеулов невольно закрыл глаза...

– Ну, парень! – ахнул Степа, от возбуждения дергая капитана за плечо. – Попал! Попал! Из винтаря срезал! Ну, чердын-калуга, дает!

Арцеулов открыл глаза. Командир Джор ленивым движением закидывал винтовку за спину, а аэроплан, неуверенно дергаясь и пуская тонкую струйку черного дыма, уходил куда-то за скалы.

– В мотор попал! – продолжал пораженный Косухин. – Ну, глаз-алмаз!

– Да, – капитан кивнул. В горле пересохло, хотелось пить, и он вдруг впервые подумал, что всех им виденное – просто бред. Джор-баши попал в моторную часть аэроплана – дело редкое, но, в общем-то, вполне реальное. Правда, аэропланы в здешних местах – вещь, пожалуй, еще более невиданная, чем чудища с кожистыми крыльями...

На этот раз в путь тронулись не сразу. Несколько конников съездили на разведку, и лишь затем отряд поскакал дальше. Степа, пораженный лихим выстрелом Джора, не мог прийти в себя, еще и еще раз переживая случившееся. Арцеулов молчал. То, что довелось увидеть ему, обсуждать было невозможно – во всяком случае не с краснопузым Косухиным.

А затем, когда от солнца, исчезающего за горизонтом, остался лишь тонкий красный серп, на долину упал туман. Он появился как-то сразу, почти мгновенно. Тут же все исчезло, можно было разглядеть лишь спину едущего впереди.

Настроение сразу упало, в особенности у Степы, чья шинель одинаково плохо предохраняла как от холода, так и от сырости. Косухин вначале терпел, а затем принялся негромко чертыхаться. Арцеулов надвинул шапку на лоб, запахнул полушубок и старался ни о чем не думать. Чувство было странным, словно вокруг все исчезло, и он оказался один на один с серой пеленой, в которой сгинул мир – и выдуманный, и реальный. Пару раз он прикрывал веки, но ничего кроме темноты и тумана, увидеть не смог...

Так они ехали еще часа полтора. Наконец кони перешли с рыси на шаг. Сквозь туман мелькнуло что-то черное, большое. Капитан подумал, что его странные видения продолжаются, но удивленный возглас Степы показал – на этот раз все было по-настоящему. Они подъехали к горе, но не маленькой, похожей на холм, какие они встречали у Челкеля, а настоящей, подобной тем, над которыми летели в белесом зимнем небе гигантские всадники.

– Скоро будем! – чех оказался рядом, кивнув Арцеулову. Тот кивнул в ответ, сообразив, что начинает различать окружающее. Да, здесь были горы. Ущелье кончилось, они ехали по каменистой равнине мимо темных крутых склонов, уходящих прямо в небо. Солнце уже зашло, окрестности заливала темнота, но сквозь нее можно было различить громадные неровные силуэты, закрывавшие весь горизонт. Всюду лежал снег – и под копытами корней, и на склонах, и на далеких вершинах, которые угадывались за ночной тьмой.

Арцеулов молчал, притих и Степа, который воспринял перемену спокойнее, чем можно было ожидать. За последние дни красному командиру Косухину довелось повидать столько нового и непривычного, непредставимого в обычной жизни, что открывшиеся за туманом горы не слишком удивили.

Отряд добрался до небольшой площадки возле почти отвесного, уходящего ввысь склона. Она была засыпана свежим, девственно чистым снегом, лишь несколько огромных валунов чернели по краям, да в дальнем углу сквозь вечерний сумрак угадывался черный вход в пещеру. Справа склон разрывало русло небольшой горной речки. По краям смерзся лед, но в центре его не было; вода, с шипением падая с небольшого водопада, уходила куда-то влево, теряясь во тьме.

Джор-баши отдал команду, и всадники остановились.

– Приехали! – чех, подъехав поближе, кивнул на пещеру. – Там переночуете, братья. А потом идите вдоль реки. Шекар-Гомп в трех днях пути...

Арцеулов поглядел на шумящую воду и соскочил с коня. Степа последовал его примеру, и чуть было не упал прямо в снег. Легионер подождал, пока они слезут, затем снял с седла вещевой мешок:

– Держите! На три дня должно хватить.

– Спасибо, браток! – Косухин, подхватив мешок, поспешил закинуть его за спину. – Нам бы, товарищ... ну, хоть бы один ствол...

Чех не ответил, и Степа понял – оружия им не дадут.

Арцеулов поправил шапку и шагнул к Джору, неподвижно сидевшему на своем белом скакуне. Косухин поспешил следом. Джор-баши взглянул на них, по тонким губам скользнула легкая улыбка. Степа поспешил приложить руку к своей черной мохнатой шапке и отчеканил:

– Товарищ Джор! От имени командования Рабоче-Крестьянской Красной армии позвольте поблагодарить вас и в вашем лице...

Он сбился и неуверенно закончил:

– Ну, в общем, спасибо...

Джор поглядел на Степу, вновь улыбнулся и внезапно протянул большую сильную ладонь.

– Большое спасибо, господин Джор! – Арцеулов секунду подождал, еще раз вспомнив то, о чем когда-то рассказывал Богораз, и негромко добавил:

– Спасибо, хан Гэсэр...

Лицо всадника на миг стало серьезным, почти суровым, затем он кивнул Ростиславу и подал ему руку. Они уже хотели уходить, когда командир, немного подумав, снял с пояса что-то похожее на пастуший рожок и протянул его Ростиславу.

– Это эвэр-бурэ, – перевел чех. – Командир Джор говорит, что если ты потрубишь в него, тебе помогут...

Рог был небольшим, изогнутым, гладким, почти без украшений. Лишь по краям шел простой резной орнамент в форме переплетающихся ромбов.

– Спасибо, – повторил Арцеулов, пристраивая подарок за поясом.

Всадник на белом коне поднял руку, прощаясь, остальные что-то прокричали, чех улыбнулся и взял двумя пальцами под козырек. Отряд рванул прямо с места в галоп и помчался обратно к подножию соседней горы.

Несколько минут оба молчали, наконец Косухин, шумно вздохнув, снял мешок с плеча.

– Ну чего, беляк, кажись живем?.. А славные они ребята!

Он еще раз вздохнул и начал деловито протаптывать дорожку к черному провалу пещеры. Арцеулов поглядел вслед уходящему отряду, подождал, пока темнота не сомкнется за последним всадником, и пошел следом. Но что-то заставило оглянуться.

...Ночь вступала в свои права, тьма покрыла вершины гор, лишь в ясном безлунном небе ослепительно ярко, по-зимнему горели звезды. Ростислав замер

– прямо по небу, закрывая созвездия, неслышно скользили тени. Небесные всадники уходили вдаль, все выше, пока не исчезли среди бесстрастно мерцавших звезд.

Глава 3. Черные полушубки

В небольшой пещерке, где с трудом могли разместиться трое-четверо, кто-то оставил дрова и даже несколько клочьев старого ветхого шелка для растопки. Косухин уже хлопотал у очажка, сложенного из грубо обтесанных камней. Через минуту костер горел, рождая тени, дрожавшие на неровных холодных стенах.

В мешке оказались несколько банок американской тушенки и английского сгущенного молока, рис, бульонные кубики и полдюжины пачек все тех же папирос «Атаман». Вдобавок там был еще котелок, тяжелая фляга, две кружки, ложки и два коротких ножа.

– Во ребята! – покачал головой Степа, но затем, подумав, вздохнул:

– Эх, винтарь бы!..

– Жду распоряжений, – напомнил о себе Арцеулов, не желая бездельничать. Степа на миг задумался.

– Ну, эта... воды в котелок набери. И дровишек поищи, а то до утра не хватит.

Вопрос с водой решился просто – речка рядом. А вот дров не оказалось вообще.

– Плохо дело, – прокомментировал Косухин. – Этак в следующий раз в снегу ночевать придется, чердынь-калуга!..

– Не исключено, – согласился капитан. – Поэтому рис сварим сейчас, чтобы потом можно было есть всухомятку. Что там во фляге? Спирт?

Во фляге действительно оказался спирт. Открыли тушенку, плеснули спирту в кружки, и жизнь сразу же показалась куда привлекательней. Перекусив, Степа закурил и пустился в разговор:

– Значит так, – начал он, закутываясь в шинель и придвигаясь к огню. – Первое дело – от смерти ушли. Второе, где Наташа узнали. Ну, и к месту нас, почитай, доставили. Видать и вправду везет...

Арцеулову не хотелось разубеждать впавшего в излишний оптимизм краснопузого, но пришлось:

– Вы, Степан, не спешите. До Шекар-Гомпа три дня пути, а в самом может быть целый батальон охраны...

Про батальон Степа заводиться не стал – не ко времени, а вот насчет прочего не преминул:

– Ты, Ростислав, свой классовый пессимизм к делу не приплетай! Чего мы тут, дров с харчами не найдем? Раз эта пещера имеется, значит, чердынь-калуга, есть и другие!

– А в каждой – по дюжине братьев-разбойников. Еще прочим, неизвестно, чьи мы дрова палим. И, вообще, хотел бы я знать, куда нас занесло.

– Ну, значит спать по очереди будем, – рассудил неунывающий Косухин. – А насчет того, где мы – так дело ясное...

– Ну-с? – покосился капитан.

– Значит так, – начал Косухин, хмуря лоб. – Ехали мы на юг, это я по солнцу определил. Прошли эдак верст семьдесят – не меньше. Значит, пустыню пересекли и сейчас где-то на другом краю. Жаль, карты нет...

Арцеулов покачал головой.

– Карту-то я помню, Степан. Ехали мы не на юг, а на юго-запад – это я тоже по солнцу. Только Такла-Макан даже в самой узкой части куда шире, чем семьдесят

верст. Да и гор там таких нет. К тому же готов спорить, что сейчас мы на высоте не менее километра.

Степа взглянул недоуменно, и капитан пояснил:

– Дышать труднее. Да и вода кипит по-другому – видели? Так что спешить не будем, спим по очереди, а продукты экономим. Вопросы?

Косухин несколько скис и даже подумал, что командир Джор мог бы доставить их прямо к Шекар-Гомпу. Три дня пути без крова, дров и оружия сразу же показались не такой уж легкой прогулкой. Несколько успокоившись, он стал поудобней устраиваться у гаснувшего костра, решив караулить во вторую смену. Арцеулов не возражал – спать, несмотря на сумасшедший день, не хотелось.

Косухин заснул мгновенно, закутавшись в шинель и положив под голову пустой мешок. Арцеулов сел у входа, чуть сбоку, чтобы видеть площадку возле пещеры, а самому оставаться в темноте. Здесь, в спокойном сумраке, у тлеющих ровным огнем углей, хорошо думалось. Впервые за много дней можно было порассуждать о том, что в его положении можно назвать перспективой.

Итак, ему вырваться из сибирского ада. Если они с краснопузым уцелеют, да еще непонятным пока образом вызволят Наташу Берг, остается только добраться до ближайшего порта, откуда корабль увезет его по зеленому весеннему морю в далекую Францию, где можно жить, смотреть в окошко комнаты на кирпичную стену, почитывать эмигрантские газеты и ждать, покуда в далеком, чудовищно далеком будущем умирающий старик увидит на экране непонятного чудного устройства поднимающийся над огромным куполом трехцветный флаг...

Это было искушение, несравнимое ни с чем. В семнадцатом Арцеулов мог не уезжать на Дон, скрыться у родственников в Твери, варить гуталин, а то и пойти на советскую службу. Весной 19-го имел право попроситься в тыл, поближе к океану – и теперь разглядывать разноцветных медуз у японских берегов. Но сейчас, наконец-то, он заслужил право на покой и может спокойно катить под парижские каштаны. И вся его будущая жизнь станет лишь бесконечным эпилогом. А может, наоборот – Смута будет казаться коротким эпизодом молодости, когда Ростислав нелепо и ненужно рисковал жизнью – такой бесконечно дорогой и единственной.

Взгляд капитана упал на спокойное и оттого очень молодое и даже красивое лицо спящего Косухина, и он внезапно подумал, что станет делать потомственный дворянин Степа, если они вырвутся к зеленому морю и уютной каюте. Уговорить его кинуть всю дурь с Коммунией и вместе выращивать шампиньоны? Арцеулов улыбнулся, представив себе буйную реакцию неугомонного фанатика-коммуниста. Нет, Степа поедет обратно делать мировую революцию, чтобы упасть где-нибудь под пулями или – если видение не лгало – в неведомом застенке под ударами прикладов.

Ростиславу стало стыдно. Он вдруг понял, в чем причина их поражения. Она была перед ним – краснопузый Степа, отважный командир рабоче-крестьянской красной армии. Арцеулов прикинул, что будет, если такого посадить за парту да как следует подучить – и тут же вспомнил полковника Лебедева. С такими бойцами красные пойдут от победы к победе, в небо взлетит новый «Мономах», но уже советский и, кто знает, не сбудется ли безумный бред о всемирной Совдепии? Что же он, ветеран Германской и «первопоходчик», может сделать, чтобы этого не случилось? И Арцеулов невольно вздрогнул от беспощадной логики ответа – умереть. Вернуться в Россию, найти тех, последних, кто еще сражается – и воевать до конца. Парижа не будет, не будет ничего – но он сделает все, что сможет. Его нынешняя одиссея – не эпилог, а только передышка...

Ростислав подумал, что если следовать логике до конца, он должен, выбравшись из этих ледяных гор, позаботиться о том, чтобы большевистский фанатик не добрался до своих. Такой Степа мог стоять целой роты и...

...И – ничего. Арцеулов обозвал себя Степиным словечком «интеллигент» и даже обрадовался. Там, у Семен-Креста, он мог просто задушить Косухина – голыми руками. Но теперь его рука уже никогда не поднимется на брата полковника Лебедева, на красного командира, когда-то не пожалевшего воды для умирающего беляка...

– ...Ты чего меня не разбудил? – Степа протирал заспанные глаза, приподнимаясь со своего спартанского ложа. – Мы ж договаривались по два часа дежурить?

Арцеулов взглянул на часы – Косухин был точен, он спал два часа и три минуты.

– Мне сон был, – возвестил Степа, надевая шинель. – Только я забыл. Помню лишь, проснуться мне велели...

– Вам бы, Степан, разводящим в карауле быть, – усмехнулся капитан. – Ладно, если чего – будите...

– Если чего, – вздохнул Косухин, усаживаясь на пригретое место. – Оружия, чердынь-калуга, все равно нет. Хоть бы дубину какую!..

...Арцеулов, укрытый теплым полушубком, заснул почти сразу, а Степа, запахнув шинель, закурил, поглядывая то на гаснущие угли, то на унылый вид, открывающийся из пещеры. Он не сказал всей правды. Сон он действительно забыл, зато слова, сказанные перед самым пробуждением запомнил хорошо, как и голос – сильный, хотя и негромкий:

– Ты хотел говорить со мной, Степан? Просыпайся и жди...

Конечно, во сне может привидеться всякое, но Косухин, несмотря на твердое убеждение в материальности мира, почему-то был уверен, что приснилось это неспроста. Впрочем, вспомнив читанную когда-то в порядке обязательного самообразования брошюру, Косухин рассудил, что сон есть продукт деятельности головного, то есть, его собственного, мозга. А значит, этот самый мозг вполне мог предупредить Степу о всяких неожиданностях.

На том он и успокоился. Впрочем, пока все было тихо, горы молчали, а ночной воздух, казалось, слегка звенел. Очаг погас, Степа подкинул несколько поленьев, хотя холода, несмотря на рыбий мех шинели, не чувствовал. Огонь разгорелся, и Косухину стало веселее. Он взглянул на укывшегося тулупом с головой капитана, озабоченно подумав, что с беляком надо будет что-то делать. Прежде всего Ростислава следовало немедленно отправить в госпиталь, а затем ему, Степе, придется походить по коридорам ЦК, дабы выписать недорезанному белогвардейцу надежную справку об амнистии. После всего этого Арцеулова следовало устроить на работу, дабы гнилой интеллигент не умер с голоду или не направился с револьвером на большую дорогу. Дело предстояло хлопотное, да еще на фоне общих экономических трудностей и проблем Мировой Революции.

«А вдруг его опять воевать потянет?» – подумал было Степа, но тут же решил, что Арцеулов хоть и белый гад, но не дурак и не псих, а значит с него вполне должно хватить суровых уроков классовой борьбы. Защищать белое дело, да еще на третьем году Советской власти, по мнению Косухина, могли лишь люди полные придурки.

...Вдобавок еще и этот Шекар-Гомп, где прячут Наташу. Монастырь, конечно, охраняют. У ворот Степа представлял себе всенепременно пару пулеметов, а то и пушку. На большее фантазии не хватало, но и этого вполне достаточно против двух ножей.

Косухин в который раз подумал о том, как худо без оружия, как вдруг его словно что-то подтолкнуло. Он выглянул наружу и замер – огромный темный силуэт загородил проход, четко видимый на фоне белого снега. Снег же, как показалось Косухину, внезапно стал светиться, словно в ту страшную ночь, когда он замерзал у погасшего костра в междуречье Оки и Китоя. Рука скользнула по рукоятке бесполезного ножа, затем перед глазами вспыхнул невыносимо яркий свет, и Степа невольно зажмурился.

– Мир тебе, Степан...

Косухин открыл глаза и с огромным облегчением понял, что все, или почти все, ему почудилось. Снег был самым обычным, а перед входом стоял обыкновенный, среднего роста, человек в странном плаще и непокрытой головой.

– Фу ты! – вздохнул Степа. Ничего страшного не произошло. Вероятно, монах, который помог им у Челкеля, передал своим здешним знакомым, чтобы их с Арцеуловым встретили.

– Здравствуйте, – проговорил он, вставая. – Заходите! Мы тут дрова... ну, попалили в общем...

Человек кивнул, вошел в пещеру и присел у очага, протянув к огню ладони. Руки его были большие и, как отметил глазастый Степа, с крепкими рабочими мозолями. Длинные волосы падали на плечи.

– Я знал, что вы придете. Дров не жалейте, они – для вас. Ты хотел поговорить, Степан?

– Я?!

Человек отошел от огня, присев рядом с Косухиным. Неяркое пламя, наконец, позволило увидеть его лицо. Ничего особенно Степа не заметил – обычное лицо, не русское, но и не восточное. Незнакомец был немолод, хотя кожа оставалась чистой, без морщин. Глаза казались темными и очень большими.

– Ты хотел поговорить со старшим. Я слушаю тебя.

– Вот вы кто! – сообразил Косухин. – Как бы это... Прежде всего, значит, спасибо, что выручили...

– В этих местах есть пословица: сделай добро – и брось в пропасть... – усмехнулся поздний гость.

– А з-зачем?

– Это значит, что не стоит говорить об этом. Ты хотел узнать что вам предстоит?

Косухин кивнул.

– Что непонятно тебе, Степан? Что ты должен добраться до места, где держат в плену твоего друга и помочь ему? Это понятно? Что ты должен помогать в пути всем, кто в этом нуждается, даже рискуя жизнью, как рисковали, помогая тебе?

Спорить не приходилось.

– Что тебе надо не просто спасти Наталью Берг, но и узнать, кто они, несущие погибель и страх? Что происходит в их логове, в чем их сила?

– Это... конечно, – согласился Степа. – Само собой...

– Тогда тебе все понятно, Степан. Пойти, помочь – и узнать. А дальше – решай сам. Если увидишь, что беда невелика, то пусть все идет своим чередом. Если же нет – думай...

«А чего тут думать?» – хотел по привычке выпалить Косухин, но осекся.

– Важно, чтобы ты решил сам. И прежде всего – для тебя...

– Это для всего народа важно! – возразил Косухин, почувствовав в речи собеседника нотки интеллигентского индивидуализма.

– Отчего ты говоришь от имени народа? – поинтересовался незнакомец. – Разве ты один воюешь за него? Разве те, кто умер, не имели свой голос? Чем ты лучше их?

Сказано это было настолько веско, что Косухин сник.

– Истинно говорю: это важно для тебя самого.

Степу так и тянуло почесать затылок, что обычно сопровождало размышлению, но он все же сдержался. И тут он сообразил, что незнакомец, чьи дрова они жгли и в чьем убежище отдыхали, вероятно голоден.

– Вы... того... – начал он. – Поужинаем...

– Ты поделился со мной огнем, – улыбнулся гость. – Иногда это важнее, чем преломить хлеб. Я не голоден, Степан...

Гость встал.

– Мы поговорили обо всем, кроме награды. Чего хочешь ты?

– Я? – поразился Косухин. Награды он был согласен получать лишь от имени трудового народа.

– За все положена награда, – твердо повторил незнакомец. – Все имеет свою цену.

– Это у вас имеет! – огрызнулся Степа, вспомнив уроки Закона Божьего в заводской школе. – Это у вас за чечевичную похлебку чего-то там отдают...

- У нас? - искренне удивился гость.

- А, ладно! - решился Косухин. - Там, у старика, что нас прятал, дверь есть. Интересно было бы туда заглянуть. Только чтоб обратно вернуться!

- Не ведаешь, о чем просишь, - покачал головой незнакомец. - Но да будет так... Прощай, и если будет неважгота, проси помощи - тебе помогут.

- У кого?

- Ты просил помощи возле тела Ирмана. Просил, когда падал самолет. Тебе помогли...

Косухину стало жарко. «Откуда?» - мелькнуло в голове, и вдруг его охватило странное чувство, похожее на стыд.

- Я... ну, в общем, в Бога не верю...

- Не лукавь сам с собою, Степан. Мы еще увидимся... Прощай...

Степа едва кивнул в ответ, почему-то ожидая, что его гость исчезнет в столбе пламени или воспарит в небо. Но незнакомец, секунду постояв на пороге, быстрым шагом направился вправо, как раз туда, где лежала тропинка, ведущая к Шекар-Гомпу. И почти тут же звезды стали гаснуть, а из налетевшей тучи пошел густой пушистый снег.

- ...Что, уже утро?

Арцеулов выбрался из-под тулупа, недоуменно глядя то на Степу, то на розовеющее небо.

- Кажись... - вяло ответил Косухин. Он и сам не заметил, как просидел остаток ночи.

- Почему вы меня не разбудили?

Арцеулов был явно недоволен. Высыпаться за чужой счет он не считал возможным.

– Спать не хотелось, – столь же вяло отвечивал Косухин. – Ты лучше, Ростислав, кипятку сообрази... Пора идти.

Капитан хотел по привычке вступить в спор, но поглядел на Степу и промолчал. Он с удовольствием умылся снегом и стал разводить огонь, сожалея, что в подаренном мешке не оказалось чайной заварки.

Тропу нашли сразу. Она тянулась вдоль ручья, прижимаясь к отвесной черной стене. Ручей протекал в глубокой узкой расщелине, тропа же тянулась как раз между ним и стеною. Она была узкой, не больше полутора метров, и вдобавок завалена снегом. Степа взвалил мешок с продуктами на плечи и уверенно пошел впереди. На протесты Арцеулова он обозвал его контуженным, а на повторные призывы предложил меняться через каждый час. С этим и двинулись. Косухин шел уверенно, оставляя после себя ровный след. Гора прикрывала от ветра, было тихо, лишь шумела речушка, да изредка откуда-то доносились отзвуки похожие на разрывы снарядов. Ростислав, кое-что читавший о горах, предположил, что это эхо от шума падающей лавины. По просьбе Косухина он кратко объяснил, что такое лавина, после чего Степа стал время от времени не без опаски поглядывать вверх.

Разговаривали мало, тем более общаться, двигаясь гуськом по узкой тропе, было не особо удобно. Арцеулов, старясь вступать след в след, прикидывал, что их затея с Шекар-Гомпом может выйти весьма трудной. Ему очень захотелось, чтобы здесь оказались те, кого он оставил еще весной 19-го – друзья по Ледяному походу, с которыми они шли по такому же снегу, поддерживая друг друга. Ростислав вспомнил ротного, капитана Корфа, фронтowego разведчика с двумя Аннами и Владимиром, всегда веселого и отважного Андрея Орловского и давнего, еще с семнадцатого года, приятеля – князя Ухтомского. Арцеулов подумал, что вместе с Виктором Ухтомским он взял бы Шекар-Гомп в два счета. Во всяком случае, это было бы не труднее, чем штурмовать Екатеринодар.

Капитан усмехнулся, вспомнив, как на ночевке в Усть-Лабинской, после трех дней тяжелых боев с бригадой балтийских моряков, кто-то достал гитару, и его заставили играть всю ночь. Тогда, под утро, он написал, вернее,

сымпровизировал песню, где главным героем выступал Андрей Орловский, который в ту ночь был почему-то неожиданно мрачен. «Не падайте духом, поручик Орловский...» Позже эту песню пели другие, а вместо Орловского подставляли иные фамилии. Чаще всего пели про Ухтомского – Виктор, аристократ чистых кровей, неистово храбрый и ненормально честный был всеобщим любимцем. Бог весть кто из них, его друзей по Ледяному анабазису, еще жив! Армии Деникина бежали к Новороссийску, спасти их могло лишь чудо, а чудеса на этой земле встречались все реже...

Последний раз Арцеулов брал в руки гитару в Омске, когда нашел Ксению, и они отмечали встречу на квартире у ее тетки. С тех пор играть было некогда и не для кого. Капитан внезапно подумал, играет ли краснопузый Степа на гитаре – или «товарищам» полагается лишь балалайка? Ростислав с мстительным ехидством представил себе красного командира с балалайкой и в лаптях. Картинка вышла на славу.

Степу заботило другое. Он еще раз вспомнил свой разговор с ночным гостем и остался весьма недоволен. Прежде всего следовало разбудить капитана. Теперь же он даже не решался рассказать о странном разговоре. Не поверит беляк! Да и говорили они не по делу. Собственные речи Косухин обозвал «излияниями», а выходку насчет загадочной двери вообще счел неуместной. Нет, тут, вероятно, нужен не он, а другой товарищ, куда более опытный и надежный. Косухин вспомнил давнего друга-приятеля еще по октябрю 17-го, Кольку Лунина, теперь воевавшего где-то на юге. Тот, даром, что моложе Степы, точно сообразил бы, что к чему. Недаром Косухину, несмотря на орден, никогда не поручали больше батальона, а Лунин уже комиссарил в дивизии. Степа вздохнул, выбросив пораженческие мысли из головы. Николаю сейчас тоже, небось, нелегко на деникинских фронтах!

Часа через полтора Арцеулов после нескольких напоминаний все-таки добился права перейти в авангард. И тут же пожалел – идти первым оказалось куда труднее. Сразу же занули ноги, а в затылке начал пульсировать маленький, но неприятный очажок боли.

После полудня остановились под большим каменным «kozyрьком» и наскоро перекусили вареным рисом, запив скудный обед глотком спирта. На этот раз спирт подействовал плохо, особенно на капитана. Боль сразу же усилилась, выросла, вцепилась клещами в мозг.

Под вечер оба смертельно устали. Ростислав еле волок ставшие невероятно тяжелыми ноги, да и Степа заметно скис. Тропа начала карабкаться на подъем, идти стало совсем трудно, поэтому при первых же признаках ранних сумерек решили искать ночлег. Шедший первым Косухин заметил слева в черной скале узкую расщелину. С трудом удалось устроиться обоим, и то не лежа, а полусидя. О костре не приходилось и думать. После скудного ужина сразу же потянуло в сон, но Степа, несмотря на то, что глаза уже слипались, настоял на том, чтобы заняться повязкой. Он аккуратно промыл рану спиртом, после чего постарался забинтовать ее заново, используя относительно чистые куски. Капитан терпел молча, хоть боль временами была почти невыносимой. Ныла сорванная кожа, но настоящая боль таилась внутри, и тут ни спирт, ни Степина перевязка помочь не могли.

Ростислав заснул сразу. Косухин, оглядев окрестности, решил, что выставлять посты бессмысленно: защищаться нечем, а убежать некуда. Уже засыпая, Степа озабоченно подумал о том, что придется делать, ежели беляк свалится и не сможет идти дальше.

«А он бы со мной что сделал? – мелькнула подленькая мыслишка. – Небось кинул бы и еще посмеялся, недорезанный!»

От подобного его тут же затошнило. Косухин понимал, что капитан, хоть и белый гад, но никогда его бы не бросил. Да и в контуженном ли беляке дело? Он, Косухин, отвечает прежде всего за себя, а значит, нечего болтать ерунду. Правда, продуктов в обрез, а тащить на себе капитана он далеко не сможет...

«Значит, загнемся оба! – зло подумал Степа. – Так тому и быть, чердынь-калуга!»

Затем он обозвал себя паникером и тоже уснул.

К счастью, утром оба проснулись отдохнувшими, и мрачные мысли сразу же улетучились. Сквозь тучи проступило солнце, дорога покатила вниз, и идти сразу же стало веселее. Вдобавок тропа стала расширяться, и вскоре стало возможно шагать плечом к плечу.

Время от времени тропа внезапно расширялась, переходя в небольшую площадку, чтобы затем вновь сузиться, нырнув за очередной поворот. Повеселевший Степа стал требовать от получившего за народный счет образование Арцеулова определения их координат. Тот вначале разводил руками, но Косухин оказался настойчив.

- Значит, говоришь за Такла-Маканом таких гор нет? А где есть?

- Хорошо, - вздохнул Арцеулов. - Мы, судя по всему, на Тибете.

- Ну так чего молчал? - возмутился Степа.

- Сколько, говорите, мы проехали с Джором? Верст семьдесят? Беда в том, что от Такла-Макана до Тибета несколько тысяч верст. Не верите?

- Тебе верю... А вот карты врут! - буркнул Косухин. - Эх, встретить бы кого да расспросить...

- Ваши слова - да Богу в уши, - внезапно заметил капитан. - Стойте!

Он первым заметил то, что пропустил Степа, излишне увлекшийся проблемами географии. За очередным поворотом открывалась площадка, на этот раз значительно крупнее, чем прежние. Гора в этом месте выгибалась почти ровным полукругом, а на пологом склоне можно было разглядеть что-то, напоминающее издали серые кубики.

- Деревня, - удовлетворенно заметил Косухин. - А, значит, и люди имеются!

- Тихо что-то... - засомневался Ростислав.

- И дыма нет, - в свою очередь всмотрелся Косухин. - Зимой в деревне дым всегда будет...

- Это место нам все равно не обойти. Рискнем?..

Решили рискнуть. Подойдя ближе к тому месту, где от основной дороги шла тропка наверх, к каменным домикам, остановились.

– Снег шел позавчера, – заметил капитан. – Следы присыпаны. Выходит, с тех пор не ходили...

– Церковь вспомни, – посоветовал помрачневший Косухин. – Ох, чует сердце!..

Это действительно была деревня – небольшое поселение из десятка почти одинаковых квадратных домиков. Жило здесь никак не больше полусотни неведомого народу, но теперь вокруг было пусто, ни одна живая душа не встречала неожиданных гостей.

Живых душ действительно не осталось, но на улице и в нескольких домах лежали трупы – уже заоченелые, мерзлые, засыпанные свежим снегом, который намело через открытые двери. Всего насчитали с десятков мертвецов – две женщины, ребенок, семеро мужчин. Руки одного из них сжимали странной формы ружье с длинным стволом, заканчивающимся раструбом. Все погибшие были невысокого роста, желтолицые, с маленькими раскосыми глазами.

– Собак, и тех перебили, – вздохнул Степа. – Видать, разбойники...

– В домах почти ничего не взято, – возразил Ростислав. – Похоже, остальных куда-то угнали. Я там рис нашел – надо будет захватить. Им он уже ни к чему...

– Ага, – кивнул Косухин. – А все одно неловко. Вроде как грабим. Вот ружье...

С большим трудом удалось извлечь оружие из заоченелых рук. К разочарованию Степы, ружье оказалось совершенно незнакомой конструкции – не только ствол раструбом, но и в казенной части стоял какой-то совершенно непонятный механизм. Стреляло оно, судя по мешочку, найденному на поясе мертвеца, черным порохом. Еще в одном мешочке имелся запас самодельных свинцовых пуль.

– Тю! – вымолвил Косухин. – Машинка-то времен царя Гороха!

– У нас в Туркестане такое ружье называется карамультук, – пояснил Арцеулов. – Это кремневое оружие. У нас в училище такая штука хранилась в музее. Смотрите!

Он довольно ловко показал, как действует кремль, затем зарядил ружье и протянул Степе:

- Держите, господин красный командир! Будете меня охранять.

Степа протянул руку к карамультуку, но поглядел на иронически улыбавшегося капитана и хмыкнул:

- Не-а, ты, бяляк, сам потащишь это свой... как его там?

- Карамультук...

- Во-во... Вот если маузер найдешь, тогда точно отберу.

Капитан, не став спорить, закинул карамультук за спину и аккуратно спрятал мешочки с порохом и пулями. Кремневое ружье вовсе не было безобидной хлопушкой. Ростислав знал, что из подобного антиквариата можно уложить человека шагов за двадцать пять, а в горах ничего иного и не требуется. Пули же были не в пример современным – чуть ли не со сливу величиной. Так что красный командир Косухин остался с мечтой о маузере, а интеллигент Арцеулов наконец-то получил в руки оружие. Ружье приятно оттягивало плечо, и Ростислав сразу же почувствовал себя здоровым и сильным. Его жизнь вновь получила цену...

Оставаться среди пустых домов и засыпанных снегом трупов не хотелось. В мешок уложили немного найденного риса и полупустую жестяную банку с китайским чаем. В одном из домов Арцеулов обнаружил на земляном полу большую рыжую шубу. Вернее, она была большой для ее прежнего хозяина, который не достигал Ростиславу и до плеча. Для него же это скорее был добротный полушубок.

- Держите, Степан, – предложил Арцеулов. – Это будет получше шинели.

Косухин вначале отнекивался, не желая брать чужое, но потом, рассудив, что теплые вещи нужны живым, переоделся. Вид у него стал весьма живописным – лохматая шуба, доходившая до колен, удачно сочеталась с черной шапкой. Там же, в пустом домике, удалось разыскать две пары рукавиц.

– В общем, ниче, – рассудил Степа. – Извините, ребята! – крикнул он, обращаясь к мертвым разбитым окнам. – Мы не от жадности...

Капитан перекрестился и негромко прочитал заупокойную молитву. Смерть, кружившая по России, черным вихрем пронеслась вслед за ними через границу и теперь сопровождала среди этих дальних гор...

– Тех не меньше взвода было, – рассудил Косухин, когда мертвое селение скрылось за поворотом.

– И вооружены они кое-чем поновее, чем кремневые ружья, – добавил капитан. – Я видел гильзы. Это японские семизарядки. «Арисака», кажется...

– Знаю, – кивнул Степа. – Точно бьют, заразы! Навидался я ваших япошек. Наприглашали!

– Я навидался ваших венгров, немцев и китайцев. Зрелище столь же мерзкое. Впрочем, ваши жидки из ЧК ничуть не лучше...

– Ах ты!.. – задохнулся возмущением Косухин. – Семит... То есть, антисемит, чердынь-калуга! Наши венгры и прочие – это не интервенты, а эти... интернациолисты, то есть интернаци... Ну, в общем, за народное дело! Темный ты, Ростислав, а еще интеллигент!

– Куда уж мне... А ваши собачки-оборотни – тоже за народное дело? А Венцлав – из интернационалистов?

Степа засопел носом, но смолчал, не желая отвечать на провокационный выпад. Не этому недорезанному судить о неизбежных ошибках, возникающих в трудном деле борьбы за Мировую Революцию!

Арцеулов видел, что припек-таки краснопузого, и это его весьма порадовало. В последнее время Степа стал излишне задаваться.

«Пусть подумает, – решил капитан. – Это и пролетариям иногда полезно...»

Он хотел было добавить жару, припомнив кое-что из виденного в Иркутске – ну, хотя бы чудо-богатыря товарища Чудова – как вдруг, вздрогнув, схватил Степу за руку.

– Голоса! Впереди...

Косухин прислушался – где-то далеко, но все же не очень, в полукилометре от силы, кто-то переговаривался. Точнее, переговаривались, причем весьма громко. Ругались, не иначе.

Арцеулов снял с плеча карамультик. Оба ускорили шаг, внимательно поглядывая на пустую, покрытую снегом, тропу. Кто бы ни был впереди, здесь он не проходил. А это уже становилось интересно...

Голоса смолкли, но через несколько минут раздались вновь – громкие, сердитые, очень недобрые. Послышался крик...

Тропа резко пошла вширь, подведя к очередному повороту. Голоса слышались совсем рядом. Степа рванулся вперед, но Арцеулов, отстранив его, внимательно осмотрел затвор карамультика и выглянул первым.

За поворотом была каменная площадка, каких они уже немало повстречали на пути. Влево шла еще одна тропа, нырявшая в узкое ущелье. На земле валялось несколько мешков, какие-то вещи и брошенный прямо в снег карабин. Возле вещей толпились пятеро невысоких, но крепких косоглазых парней в одинаковых серых полушубках и шапках с меховым козырьками. Двое держали оружие наизготовку и, весело посмеиваясь, наблюдали за тем, чем занимались их товарищи. А те, уже без всякого смеха, а напротив, с руганью и криками, что есть силы били еще одного – худого высокого парня в меховой куртке нараспашку. Шапка лежала рядом, тут же в снегу торчал нож, похоже, только что выбитый из рук.

Парень отбивался. Пару раз его сбивали в снег, но он откатывался в сторону, вскакивал и успевал врезать одному из нападавших в челюсть или в грудь, прежде чем снова упасть. Когда он в очередной раз упал, один из нападавших замахнулся ногой, но тут же рухнул в снег, сбитый ловкой подсечкой.

– Дает! – шепнул Косухин. – Ну, чего, капитан, пошли?

Арцеулов помолчал, оценивая ситуацию. Тех, с оружием, пятеро, у парня нет даже ножа...

- Ты чего? - возмутился Степа. - Их же пятеро на одного... И рожи самые бандитские!

Ростислав не ответил и, быстрым движением расстегнув полушубок, скинул его в снег. Затем передал ружье Косухину и сжал в руке нож.

- Первого, кто поднимет оружие!..

Один из тех, кто стоял в стороне, вдруг стал очень серьезным и что-то громко крикнул. Трое, избивавшие парня, отскочили в сторону, оставив жертву лежащей в снегу. Тот, кто отдал приказ, лениво поднял ствол карабина. Парень успел вскочить, но тут же замер, увидев направленный на него ствол. Косоглазое лицо дернулось в злобной ухмылке, палец лег на спусковой крючок...

...И послышался грохот. Карамультик, нацеленный Степой, окутался черным дымом. Косоглазый рухнул в снег - пуля угодила точно в висок. Другой, в таком же сером полушубке, попытался обернуться, но, захрипев, начал сползать в снег - Арцеулов был уже рядом и вынимал из его бока окровавленный нож. Один из оставшихся, не успев выхватить оружие, кинулся на капитана, но получил резкий удар в грудь, бросивший его навзничь.

Парень в куртке, сообразив, что пришла подмога, кинулся на ближайшего косоглазого и повалил его в снег, вцепившись в горло. Пятый - последний - дернул из-за пояса револьвер, но подоспевший Косухин обрушил на его голову приклад. Бандит в сером мягко ткнулся лицом в труп своего товарища. Сцепившийся со своей недавней жертвой косоглазый сумел вырваться и подхватить с земли карабин, но тут хлопнул сухой короткий выстрел, и Арцеулов сунул за пояс трофейный револьвер.

Степа первым делом бросил верно послужившее ружье и закинул за плечо новенькую винтовку. Теперь и он почувствовал себя прежним - уверенным и сильным. Арцеулов ткнул носком унта лежащего в снегу бандита и без особых сантиментов добил его выстрелом в голову, после чего, оглядев место побоища, поморщился и направился надевать сброшенный полушубок.

– Сэнк ю, бойз! – произнес спасенный, весело улыбаясь и вытирая снегом окровавленное лицо. Досталось парню крепко, но оптимизма он явно не терял.

Степа понял, что его благодарят и промычал в ответ что-то неопределенное.

– Амэрикэн? – продолжал между тем неизвестный.

– А-а! – сообразил Косухин. – Никак нет, браток, не оттуда.

Парень с интересом прислушался и неуверенно проговорил:

– То... пан поляк?

– Вот, чердынь-калуга, непонятливый! Русские мы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/valentinov_andrey/strazh-rany

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)